

Горний путь. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

Горний путь. Владимир Владимирович Набоков

[1]

Памяти моего отца

...Погиб и кормщик и пловец!
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.
Пушкин

Поэту

Болота вязкие бессмыслицы певучей
покинь, поэт, покинь и в новый день проснись!
Напев начни иной – прозрачный и могучий;
словами четкими передавать учись
оттенки смутные минутных впечатлений,
и пусть останутся намеки, полутени
в самих созвучиях, и помни – только в них,
чтоб созданный тобой по смыслу ясный стих
был по гармонии таинственно-тревожный,
туманно-трепетный; но рифмою трехсложной,
размером ломаным не злоупотребляй.
Отчетливость нужна и чистота и сила.
Несносен звон пустой, неясность утомила:
я слышу новый звук, я вижу новый край...
2 сентября 1918

«Живи. Не жалуйся, не числи...»

Живи. Не жалуйся, не числи
ни лет минувших, ни планет,
и стройные сольются мысли
в ответ единый: смерти нет.
Будь милосерден. Царств не требуй.
Всем благодарно дорожи.
Молись – безоблачному небу
И василькам в волнистой ржи.
Не презирая грез бывалых,
старайся лучшие создать.
У птиц, у трепетных и малых,
учись, учись благословлять!
14 февраля 1919

«Звени, мой верный стих, витай, воспоминанье...»

Звени, мой верный стих, витай, воспоминанье!
Не правда ль, все – как встарь, и дом – все так же тих –
стоит меж старых лип? Не правда ли, страданье,
сомненье – сон пустой? Звени, мой верный стих...
Пусть будет снова май, пусть небо вновь синееет.
Раскрыты окна в сад. На кресло, на паркет
широкой полосой янтарный льется свет,
и дивной свежестью весенний воздух веет.
Но чу! Вздыхает парк... Там – радость без конца,
там вольные мечты сулит мне рай зеленый.
Туда, скорей туда! Встречаю у крыльца
старушку мирную с корзинкою плетеной.
Меня приветствуя, лохматый черный пес
визжит, и прыгает, и хлопает ушами...
Вперед! Широкий парк душистыми листьями
шумит пленительно. Виляют меж берез
тропинки мшистые; дубовая аллея
пересекает их и, влажно зеленея,
стрелой уходит вдаль; средь трепетных ветвей,
склоненных до земли, вся белая, сияет
скамейка. Ярких мух беспечный рой играет

Горний путь. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

над спинкой вырезной, и решето лучей
желтеет на песке. Последняя тропинка
окаймлена волной сиреневых кустов.
Я выхожу на луг. Здесь тени облаков
бегут по мураве. Здесь каждая былинка
живет по-своему; таинственно звенит
в прозрачном воздухе жужжанье насекомых.
Вперед! Сквозь белизну молочную черемух
зеленая река застенчиво блестит,
кой-где подернута парчою тонкой тины..
Спешу к тебе, спешу, знакомая река!
Неровный ветерок несет издалека
крик сельских петухов и мерный шум плотины.
Напротив берега я вижу мягкий скат,
на бархатной траве разбросанные бревна,
а дале – частокол, рябин цветущих ряд,
в лучах, над избами, горящий крест церковный
и небо ясное... Как хорошо! Но вот
мой слух певучий скрип уключин различает.
Вот лодка дачная лениво проплывает,
и в лодке девушка одной рукой гребет..
Склоненного плеча прелестно очертанье;
она, рассеянно, речные рвет цветы.
Ах, это снова ты, все ты и все не ты!
Звени, мой верный стих, витай, воспоминанье...

31 января 1918

«Когда с небес на этот берег дикий...»

Когда с небес на этот берег дикий
роняет ночь свой траурный платок,
полушутя, дает мне Сон безликий
небытия таинственный урок.
Я крепко сплю, не чая пробужденья;
но день встает, и в лучезарный миг
я узнаю, что были сновиденья
и что конца еще я не постиг.

28 февраля 1918

ЭЛЕГИЯ

Я помню влажный лес, волшебные дороги,
узорные лучи на дышащей траве..
Как были хороши весенние тревоги!
Как мчались облака по вольной синеве!
Сквозная стрекоза, мой жадный взор чаруя,
легко покоилась на освещенном пне.
Со струнами души созвучья согласуя,
чудесно иволга сочувствовала мне:
я чутко различал в зеленой вышине –
то плач прерывистый, то переливы смеха.
Березы, вкрадчиво шумящие вокруг,
учили сочетать со звуком точный звук,
и рифмы гулкие выдумывало эхо,
когда, средь тишины темнеющего дня,
бродя по прихоти тропы уединенной,
своими кликами даль мирную дразня,
я вызывал его из рощи отдаленной.

18 января 1918

ДВА КОРАБЛЯ

У мирной пристани, блестя на солнце юга,
с дремотной влагой в лад снастями шевеля,
задумчивы, стояли друг близ друга
два стройных корабля.
Но пробил час. Они пустились в море,
и молчаливо разошлись они.
Стонали ветры на просторе;
текли за днями дни.
Знакомы стали им коварные теченья,
знакома – верная, сияющая ночь;
а берега вдали вставали, как виденья,
и отходили прочь...

Горний путь. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

Порой казалось им: надежда бесполезна.
Катился бури гром, и быстрой чередой
сменялась черная зияющая бездна
всплывающей волной.

А иногда с тревогою угрюмой
они оглядывались вдруг,
и каждый полон был одной и той же думой:
«Где ты, мой бедный друг?»
Да, много было бурь, да, много снов печальных,
обманных маяков и скрытых скал,
но ангел вещей, ангел странствий дальних,
их строго охранял.

И срок иной настал... Угомонились бури;
а корабли куда-то вновь спешат,
и с двух сторон выходят из лазури,
и вот – плывут назад!

Они сошлись и снова рядом встали,
о шири шелестя изведанных морей,
а волны слушали, но нет, – не узнавали
тех старых кораблей...

26 марта 1918

«Цветет миндаль на перекрестке...»

Цветет миндаль на перекрестке,
мерцает дымка над горой,
бегут серебряные блески
по глади моря голубой.
Щебечут птицы вдохновенней,
вечнозеленый ярче лист.
Блажен, кто в этот день весенний
воскликнет искренно: «Я чист!»

24 марта 1918

«О ночь, я твой! Все злое позабыто...»

О ночь, я твой! Все злое позабыто,
и жизнь ясна, и непонятна смерть.
Отражена в душе моей раскрытой
блистательная твердь...

И мнится мне, что по небу ночному
плыву я вдаль на призрачном челне,
и нет конца сиянью голубому;
я – в нем, оно – во мне.

Плыву, плыву. Проходят звезды мимо;
к одной, к другой причаливает челн
и вновь летит под шум неуловимый
алмазно-чистых волн.

Я твой, о ночь! В душе – твое сиянье;
все грешное осталось на земле,
и ангелов я чувствую дыханье
на поднятом челе!

18 апреля 1918

«Ты войдешь и молча сядешь...»

Ты войдешь и молча сядешь
близ меня, в вечерний час,
и рассеянно пригладишь
на груди атлас.

Тихо книгу я закрою,
тихо подниму глаза,
пронесется надо мною
прежняя гроза.

Ты устало усмехнешься,
я коснусь твоей руки,
побледнеешь, отвернешься,
полная тоски.

«Жизнь моя, – скажу я властно, –
не сердись – ты не права!»

Но пойму я, что напрасны
старые слова.

Ты ногтем забарабанишь:
поздно, поздно уж теперь!

Горний путь. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Оглядишься, быстро встанешь...

Скрипнет, стукнет дверь...
Отодвину занавески,
головой прижмусь к стеклу:
ты мелькнешь в закатном блеске
и уйдешь во мглу.

23 мая 1918

«Вот дачный сад, где счастливы мы были...»
Вот дачный сад, где счастливы мы были:
стеклянный шар, жасмин и частокол.
Как некогда, каймою рдяной пыли
верхи берез день тающий обвел.
Все тот же вьется мотылек капустный
(он опоздал – беспечный – на ночлег).
Сегодня мне как будто и не грустно,
что кануло все прежнее навек.
Уж светляки зеленые лампадки
зажгли в траве, и нежно – как тогда –
мне шлет привет свой девственный и сладкий
алмаз вечерний – первая звезда.

24 мая 1918

Береза в Воронцовском парке
Среди цветущих, огненных деревьев
грустит береза на лугу,
как дева пленная в блистательном кругу
иноплеменных дев.
И только я дружу с березкой одинокой,
тоскую с ней весеннею порой:
она мне кажется сестрой
возлюбленной далекой.

17 апреля 1918

Орешник и береза
Два дерева... одно – развесистый орешник –
листвою изнеженной, как шелком, шелестит,
роскошным сумраком любви и лени льстит...
Остановись под ним, себялюбивый грешник!
Ляг, позови подруг, беспечных, как и ты.
Не слушай совести, не прекословь мгновенью,
пей темное вино, пой песни упоенью –
да будут в лад шуметь широкие листья.
Но если, путник, ты – душою чист и светел
и если долго ты дорогою крутой
неутомимо шел и на пути не встретил
ни друга верного, ни радости простой,
тогда не позабудь: есть дерево другое.
Близ дерева греха березу ты найдешь...
На озаренный дождь наряд ее похож,
ее жемчужный ствол – что облачко прямое.
Садись в тень жидкую, но продолжай в мечтах
свой путь, и шепотом невинным и тревожным
расскажет каждый лист о милом невозможном,
о дальней родине, о ветре, о лесах...

2 июля 1918

После грозы
Все реже, реже влажный звон;
кой-где светлеет небосклон;
отходят тучи грозовые,
жемчужным краем бороздя
просветы пышно-голубые,
и падают лучи косые
сквозь золотую сеть дождя.

4 июля 1918

Олеиз
«Как пахнет липой и сиренью...»
Как пахнет липой и сиренью,
как золотеет серп луны!
Неторопливо, тень за тенью,
подходят сумерки весны.

Я возвращаюсь, молодею,
мне прошлого не превозмочь!
Вплывает в узкую аллею
незабываемая ночь.
И в полутьме – то завлекая,
то отступая, веешь вновь
ты – призрак северного мая,
ты – отроческая любовь!
И памятному сновиденью
я предаюсь средь тишины...
Как пахнет липой и сиренью,
как золотеет серп луны!
27 декабря 1918

Лестница
Ты – лестница в большом, туманном доме. Ты
устало вьешься вверх средь мягкой темноты:
огонь искусственный – и то ты редко видишь.
Но знаю – ты живешь, ты любишь, ненавидишь,
ты бережешь следы бесчисленных шагов:
уродливых сапог и легких башмачков,
калош воркующих и валенок бесшумных,
подошв изношенных, но быстрых, неразумных,
широких, добрых ног и узких, злых ступней...
О да! Уверен я: в тиши сырых ночей,
кряхтя и охая, ты робко оживаешь
и вспомнить силишься и точно повторяешь
всех слышанных шагов запечатленный звук:
прыжки младенчества и палки деда стук,
стремительную трель поспешности любовной,
дрожь нисходящую отчаянья и ровный
шаг равнодушья, шаг немощи скупой,
мечтательности шаг, взволнованный, слепой,
всегда теряющий две или три ступени,
и поступь важную самодовольной лени,
и торопливый бег вседневного труда...
Не позабудешь ты, я знаю, никогда
и звон моих шагов... Как, разве в самом деле
они – веселые – там некогда звенели?
А луч, по косяку взбегающий впотьмах,
а шелест шелковый, а поцелуй в дверях?
Да, сердце верило, да, было небо сине...
Над ручкой медною – другое имя ныне,
и сам скитаюсь я в далекой стороне.
Но ты, о лестница, в полночной тишине
беседуешь с былым. Твои перила помнят,
как я покинул блеск еще манящих комнат
и как в последний раз я по тебе сходил,
как с осторожностью преступника закрыл
одну, другую дверь и в сумрак ночи снежной
таинственно ушел – свободный, безнадежный...
30 июля 1918

«Забудешь ты меня, как эту ночь забудешь...»
Забудешь ты меня, как эту ночь забудешь,
как черный этот сад, и дальний плеск волны,
и в небе облачном зеркальный блеск луны...
Но – думается мне – ты счастлива не будешь.
Быть может, я не прав. Я только ведь поэт,
непостоянный друг печали мимолетной
и краткой радости, мечтатель беззаботный,
художник, любящий равно и мрак и свет.
Но ясновиденье подобно вдохновенью:
презреньем окрылен тревожный голос мой!
Вот почему твой путь, и ясный и прямой,
туману наперед пророческою тенью.
Предсказываю я: ты будешь мирно жить,
как вдруг о пламенном в тебе тоска проснется,
но, видишь ли, другой тех звезд и не коснется,
которыми тебя могу я окружить!

Горний путь. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

10 августа 1918

Озеро

Взгляни на озеро: ни солнце, ни звезда,
ни мощные дубы, ни тонкая осока,
хоть отражаются так ярко, так глубоко,
не оставляют в нем следа.

Взгляни и в душу мне: как трепетно, как ясно
в ней повторяются виденья бытия!

Как в ней печаль темна, как радость в ней прекрасна... –
и как спокоен я!

24 августа 1918

«О чем я думаю? О падающих звездах...»

О чем я думаю? О падающих звездах...

Гляди, вон там одна, беззвучная, как дух,
алмазною стезей прорезывает воздух,
и вот уж путь ее – потух...

Не спрашивай меня, куда звезда скатилась.

О, я тебя молю, безмолвствуй, не дыши!

Я чувствую – она лучисто раздробилась
на глубине моей души.

26 августа 1918

«И видел я: стемнели неба своды...»

(Евангелие Иакова Еврея, гл. 18)

И видел я: стемнели неба своды,
и облака прервали свой полет,
и времени остановился ход...

Все замерло. Реки умолкли воды.

Седой туман сошел на берега,

и, наклонив над влагою рога,

козлы не пили. Стадо на откосах

не двигалось. Пастух, поднявши посох,

оцепенел с простертою рукой,

взор устремляя ввысь, а над рекой,

над рощей пальм, вершины опустивших,

хоть воздух был бестрепетен и нем,

повисли птицы на крылах застывших.

Все замерло. Ждал чутко Вифлеем...

И вдруг в листве проснулся чудный ропот,

и стая птиц звенящая взвилась,

и прозвучал копыт веселый топот,

и водных струй послышался мне шепот,

и пастуха вдруг песня раздалась!

А вдалеке, развея сумрак серый,

как некий Крест, божественно-светла,

звезда зажглась над вспыхнувшей пещерой,

где в этот миг Мария родила.

30 августа 1918

Солнце бессонных

Sun of the sleepless (из Байрона)

Печальная звезда, бессонных солнце! Ты

указываешь мрак, но этой темноты

твой луч трепещущий, далекий, – не рассеет.

С тобою я сравню воспоминаний свет,

мерцанье прошлого – иных, счастливых лет –

дрожащее во мгле; ведь, как и ты, не греет

примеченный тоской бессильный огонек, –

лучист, но холоден, отчетлив, но далек...

7 сентября 1918

Лунная ночь

Поляны окропил холодный свет луны.

Чернеющая тень и пятна белизны

застыли на песке. В небесное сиянье

вершиной вырезной уходит кипарис.

Немой и стройный сад похож на изваянье.

Жемчужною дугой над розами повис

фонтан, журчащий там, где сада все дороги

Горний путь. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
соединяются. Его спокойный плеск
напоминает мне размер сонета строгий;
и ритма четкого исполнен лунный блеск.
Он всюду – на траве, на розах, над фонтаном –
бестрепетный, а там, в аллее, вдалеке,
тень черная листвы дробится на песке,
и платье девушки, стоящей под каштаном,
белеет, как платок на шахматной доске...

18 сентября 1918

Большая Медведица

Был грозен волн полночный рев...

Семь девушек на взморье ждали

невозвратившихся челнов

и, руки заломив, рыдали.

Семь звездочек в суровой мгле

над рыбаками четко встали

и указали путь к земле...

23 сентября 1918

«Вдали от берега, в мерцании морском...»

Вдали от берега, в мерцании морском,

я жадной глубиной был сладостно влеком.

Я видел небосвод сквозь пену золотую,

дрожащий серп луны, звезду одну, другую...

Тускнел далекий свет, я медленно тонул.

Манил из глубины какой-то чудный гул.

В волшебном сумраке мой призрак отражался.

В блестящий траур волн я тихо погружался.

10 октября 1918

Поэт

Среди обугленных развалин,

среди унижительных могил –

не безнадежен, не печален,

но полон жизни, полон сил –

с моею музою незримой

так беззаботно я брожу

и с радостью неизъяснимой

на небо ясное гляжу.

Я над собою солнце вижу

и сладостные слезы лью,

и никого я не обижу,

и никого не люблю.

Иное счастье мне доступно,

я предаюсь иной тоске,

а все, что жалко иль преступно,

осталось где-то вдалеке.

Там занимаются пожары,

там, сполохами окружен,

мир сотрясается, и старый

переступается закон.

Там опьяневшие народы

ведет безумие само, –

и вот на чучеле свободы

бессменной пошлости клеймо.

Я в стороне. Молюсь, ликую,

и ничего не надо мне,

когда вселенную я чую

в своей душевной глубине.

То я беседую с волнами,

То с ветром, с птицей уношусь

и со святыми небесами

мечтами чистыми делюсь.

23 октября 1918

Журавли

Шумела роща золотая,

ей море вторило вдали,

и всхлипывали, пролетая,

кочующие журавли

и в небе томном исчезали,

Горний путь. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

все тише, все нежней звеня.
Мне два последних рассказали,
что вспоминаешь ты меня...

24 октября 1918

«За полночь потушив огонь мой запоздалый...»

За полночь потушив огонь мой запоздалый,
в притворном забытии покоюсь я, бывало,
и вот, преодолев ревнивый сумрак туч,
подкрадывается неуловимый луч
и разгорается и освещает странно
картины на стене. Доносится нежданно
до слуха моего необъяснимый звук
и повторяется отчетливей, и вдруг –
все оживляется! Волшебное – возможно:
халат мой с вешалки сползает осторожно
и, протянув ко мне пустые рукава,
перегибается, и чья-то голова
глядит, лукавая, из мусорной корзины,
под письменным столом, а по стене картины
кружатся, вылетев из неподвижных рам,
как попугайчики, и шкаф дубовый сам
завистливо кряхтит, с волненьем наблюдая,
как по полу бежит одна туфля ночная
вдогонку за другой.

Но только двинусь я, –

глядь, – все рассеялось, и комната моя
мгновенно приняла свой вид обыкновенный.
В окне дрожит луна невинно и смиренно,
халат – на вешалке, повсюду тишина...

Ах, знаю я тебя, обманщица луна!

«Разгорается высь...»

Разгорается высь,
тает снег на горе.
Пробудись, отзовись,
говори о заре.
Тает снег на горе
пред пещерой моей,
и вся даль в серебре
осторожных лучей.
Повторяй мне, душа,
что сегодня весна,
что земля хороша,
что и смерть не страшна,
что над первой травой
дышит горный цветок,
наряженный в живой
мягко-белый пушок,
что лепечут ручьи
и сверкают кругом
золотые струи,
что во всех и во всем
тихий БОГ, тайный БОГ
неизменно живет,
что весенний цветок,
ветерок, небосвод,
нежных тучек кайма,
и скала, и поток,
и, душа, ты сама –
все одно, и все – Бог.

11 ноября 1918

«В хрустальный шар заключены мы были...»

В хрустальный шар заключены мы были,
и мимо звезд летели мы с тобой,
стремительно, безмолвно мы скользили
из блеска в блеск блаженно-голубой.
И не было ни прошлого, ни цели,
нас вечности восторг соединил,
по небесам, обнявшись, мы летели,

Горний путь. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
ослеплены улыбками светил.

Но чей-то вздох разбил наш шар хрустальный
остановил наш огненный порыв,
и поцелуй прервал наш безначальный,
и в пленный мир нас бросил, разлучив.
И на земле мы многое забыли:
лишь изредка вспомнится во сне
и трепет наш, и трепет звездной пыли,
и чудный гул, дрожавший в вышине.
Хоть мы грустим и радуемся розно,
твое лицо, средь всех прекрасных лиц,
могу узнать по этой пыли звездной,
оставшейся на кончиках ресниц...

1918

Крым

«Если вьется мой стих, и летит, и трепещет...»
Лишь то, что писано
с трудом – читать легко.

Жуковский

Если вьется мой стих, и летит, и трепещет,
как в лазури небес облака,
если солнечный звук так стремительно плещет,
если песня так зыбко-легка,
ты не думай, что не было острых усилий,
что напевы мои, как во сне,
незаметно возникли и вдаль поспешили,
своевольные, чуждые мне.
Ты не знаешь, как медлил восход боязливый
этих ясных созвучий – лучей..
Долго-долго вникал я, бесплотно-пытливый,
в откровенья дрожащих ночей.
Выбирал я виденья с любовью холодной,
я следил и душой и умом,
как у бабочки влажной, еще не свободной,
расправлялось крыло за крылом.
Каждый звук был проверен и взвешен прилежно,
каждый звук, как себя, сознаю,
а меж тем назовут и пустой и небрежной
быстролетную песню мою..

23 августа 1918

Осенняя пляска

Кружитесь, падайте...

Мы – смуглые дриады –
осенним шорохам и рады и не рады:
лес обнажается, и фавны видят нас,
и негде спрятаться от их янтарных глаз.
Шуршите, блеклые...

Вчера мы на поляне
плясали в розовом предутреннем тумане,
подбрасывали мы увядшие листья,
и осыпались они так мягко с высоты,
холодным золотом на плечи нам спадали..
Шуршите, блеклые...

Вчера нас увидали,
и встрепенулись мы, и разбежались вмиг,
за нами топот был, и чей-то звучный клик
то рядом, то вдали – звенел и повторялся..
Шуршите, блеклые...

Край неба разгорался,
и шумно мчались мы, то плача, то смеясь,
и пестрые листья, за нами вслед кружась,
летели, шелестя, по рощам и по скатам
и дальше – по садам, по розам, нами смятым –
до моря самого...

А мы – опять назад,
в леса да на холмы – куда глаза глядят!
8 августа 1918
Башмачок

Горний путь. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

Ты его потеряла в траве замирающей,
В мягком сумраке пряных волн.
Этот вечер был вздохов любви умоляющей
и любви отвечающей полн.
Отклонившись с улыбкой от ласок непрошенных,
от моих непонятных слов,
ты метнулась, ты скрылась в тумане нескошенных
голубых и мокрых лугов.
Я бежал за тобою сквозь дымку закатную,
но догнать я скоро не мог...
Ты вздыхала, раздвинув траву ароматную:
«Потеряла я башмачок!»
Наклонились мы рядом. Твой локон взволнованный
чуть коснулся щеки моей;
ничего не нашли мы во мгле заколдованной
шелестящих, скользких зыбей.
И, счастливый, безмолвный, до садика дачного
я тебя донес на руках,
и твой голос звенел чище неба прозрачного
и на сонных таял цветах.
Как теперь далеко это счастье душистое!
Одиноким, в чужой стране,
вспоминаю я часто минувшее чистое,
а недавно приснилось мне,
что, бродя по лугам несравненного севера,
башмачок отыскал я твой –
свежей ночью, в траве, средь туманного клевера,
и в нем плакал эльф голубой...

20 ноября 1918

«Сторожевые кипарисы...»
Сторожевые кипарисы
благоуханной веют мглой,
и озарен Ай-Петри лысый
магометанскою луной.
И чья-то тень из-за ограды
упорно смотрит на меня,
и обезумели цикады,
в листве невидимо звеня.
И непонятных, пряных песен
грудь упоительно полна,
и полусумрак так чудесен,
и так загадочна луна!
И там – глаза Шехерезады
в мой звездный и звенящий сад
из-за белеющей ограды,
продолговатые, глядят.

25 ноября 1918

«Ты многого, слишком многого хочешь...»
Ты многого, слишком многого хочешь!
Тоскливо и жадно любя,
напрасно ты грезам победу пророчишь,
когда он глядит на тебя.
Поверь мне: он женщину любит не боле,
чем любят поэты весну...
Он молит, он манит, а сердце – на воле
и ценит лишь волю одну!
И зори, и звезды, и радуги мая –
соперницы будут твои,
и в ночь упоенья, тебя обнимая,
он вспомнит о первой любви.
Пусть эта любовь мимолетно-случайно
коснулась и канула... Пусть!
В глазах у него замечтается тайна,
тебе непонятная грусть...
Тогда ты почувствуешь холод разлуки.
Что ж делать! Целуй и молчи,
сияй безмятежно, и в райские звуки
твои превратит он лучи!

Горний путь. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

Но ты... ты ведь любишь властительно-душно,
потребуешь жертв от него,
а он лишь вздохнет, отойдет равнодушно –
и больше не даст – ничего...

26 ноября 1918

«Фейна дочь утонула в росинке...»
Фейна дочь утонула в росинке,
ночью, играя с влюбленным жучком.
Поздно спасли... На сквозной паутинке
тихо лежит. Голубым лепестком
божьи коровки ей ноги покрыли,
пять светляков засияли кругом,
ладаном синим ей звезды кадили,
плакала мать, заслонившись крылом.
А на заре пробудилась поляна:
бабочка скорбную весть разнесла...
Что ей – до смерти? Бела и румяна,
пляшет в луче и совсем весела.
Все оживляются... «Верьте не верьте, –
шепчут друзьям мгновенье до смерти
здесь, при луне, целовала жучка!»
Мимо идет муравей деловитый.
Мошки не поняли, думают – бал.
Глупый кузнечик, под лютиком скрытый,
звонко твердит: так и знал, так и знал...
Каждый спешит, кто – беспечно, кто мрачно.
Два паука, всех пугая, бегут.
Фейна дочь холодна и прозрачна,
и на челе чуть горит изумруд.
Как хороша! Этот тоненький локон,
плечики эти – кто б мог описать?
Чуткий червяк, уж закутанный в кокон,
просто не вытерпел, вылез опять.
Смотрят, толкаются... Бледная фея
плачет, склонившись на венчик цветка.
День разгорается, ясно алея...
Вдруг спохватились: «Не видно жучка!»
Фейна дочь утонула в росинке,
и на заре, незаметен и тих,
красному блику на мокрой былинке
молится маленький черных жених...

1 декабря 1918

«Ты на небе облачко нежное...»
Ты на небе облачко нежное,
ты пена прозрачная на море,
ты тень от мимозы на мраморе,
ты эхо души неизбежное...
И песня звенит безначальная.
Зову ли тебя – откликаешься,
ищу ли – молчишь и скрываешься,
найду ли? Не знаю, о Дальняя.
Ты сон навеваешь таинственный.
Взволнован я ночью туманною,
живу я мечтой несказанною,
дышу я любовью единственной.
И счастье мне грезится дальнее,
и снится мне встреча блаженная,
и песня звенит вдохновенная,
свиваясь в кольцо обручальное.

10 ноября 1918

Крым

На качелях
В листву узорчатую зыбко
плеснула тонкая доска,
лазури брызнула улыбка,
и заблестали небеса.
И на мгновенье, над ветвями,

я замер в пламени весны,
держась простертыми руками
за две звенящие струны.
Но ослепительно метнулась
ликующая синева,
доска стремительно качнулась,
и снизу хлынула листва.
И лиловеющая зелень
вновь заслонила небосвод,
и очарованно-бесцелен
дугообразный стал полет.
Так реял я, то опускаясь,
мелькая тенью по листьям,
то на мгновенье приближаясь
к недостижимым облакам.
15 декабря 1918

Новый год

«Скорей, – мы говорим, – скорей!»
И звонко в тишине холодной
захлопнулись поочередно
двенадцать маленьких дверей...
И удалившихся не жаль нам:
да позабудутся они!
Прошли те медленные дни
в однообразии печальном.
А те, другие, что вошли
в полуоткрывшиеся двери,
те не печали, не потери,
а только радость принесли.
Но светлые дары до срока
они, туманные, таят,
столпились и во мгле стоят,
нам улыбаясь издалёка...
1 января 1919

Ю. Р.

Как ты, я с отроческих дней
влюблен в веселую опасность...
Друг милый, родственную ясность
я узнаю в душе твоей.
Мы беззаботно сердцем юны...
(Пусть муза хмурится моя!)
На хрупкой арфе бытия
перебираем те же струны
и в соловьином забытии
поем, беспечно принимая
от неба жизненного мая
грозу и радугу любви.
Нам до грядущего нет дела,
и прошлое не мучит нас.
Дверь черную в последний час
мы распахнем легко и смело.
Я верю сказкам вековым
и откровеньям простодушным:
мы встретимся в краю воздушном
и шуткой звезды рассмешим.
январь 1919

Утро

Как светлозарно день взшел!
Ну, не улыбка ли Господня?
Вот лапки согнутые поднял
нежно-зеленый богомол.
Ведь небеса и для него...
Гляжу я, кроткий и счастливый...
Над нами – солнечное диво,
одно и то же Божество!
1 февраля 1919
«На ярком облаке покоясь...»
На ярком облаке покоясь,

ты проплываешь надо мной.
Под липами, в траве сырой
Я отыскал твой узкий пояс.
Он ослепляет серебром...
Я удаляюсь... В песне четкой
я расскажу дриаде кроткой
об одиночестве моем...
Под липами – ручей певучий,
темнеют быстрые струи...
Подкидывают соловьи
цветные шарики созвучий...
Вот и янтарная луна.
В луче вечернем, чародейном,
ты дуновеньем легковейным
на небеса унесена...
Скиф
Ночь расплелась над Римом сытым,
и голубела глубь амфор,
и трепетал в окне раскрытом
меж олеандров звезд узор.
Как бы струя ночной лазури,
плыл отдаленной лиры звон.
Я задремал на львиной шкуре
среди обнаженных, сонных жен.
И сон мучительный, летучий
играл и реял надо мной.
Я плакал: чудились мне тучи
и степи Скифии родной!
«Я был в стране Воспоминанья...»
я был в стране Воспоминанья,
где величаво, среди сиянья
Небес и золота песков,
проходят призраки веков
по пирамидам смугло-голым,
где вечность, медленным глаголом
вникая в сумерки души,
волнует путника – в тиши
пред сфинксом мудрым и тяжелым.
Ключ неразгаданных чудес
им человечеству завещан...
О, глаз таинственный разрез!
На глыбе голубой, среди трещин,
застыл божественный Рамзес
в движенье тонко-угловатом...
Изида близится закат;
и пальмы жестко шелестят,
и туч – над Нилом розоватым –
чернеют узкие струи...
Там – на песке сыром, прибрежном,
я отыскал следы твои...
Там, в полудымке, в блеске нежном,
пять тысяч лет тому назад,
прошла ты легкими шагами
и пела, глядя на закат
большими, влажными глазами...
17 февраля 1919
«О, встречи дивное волненье...»
О, встречи дивное волненье!
Взгляд заревой... Крылатый крик...
Ты осязаемо, виденье!
К тебе я трепетно приник...
Я по морям туманным плавал,
томился в пасмурной стране,
и скучный бог и скучный дьявол
бесцельно спорили во мне.
И на полночных перепутьях
Страсть появлялась предо мной –
босая, в огненных лоскутьях,

Горний путь. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

с закинутою головой...
Но не просил я ласок ложных,
я тосковал в садах земных...
Среди сомнительных и сложных
искал я верных и простых.
О достижение, крылья, зори!
Мечта оправдана вполне!
С алмазной песнею во взоре
ты наклоняешься ко мне...
Пчела

По ночам, во мгле лазурной,
вспоминаю жизнь мою;
поцелуев мед пурпурный
в сотах памяти таю.
На заре, в тени росистой,
о грядущем сны мои,
о цветах – в траве душистой
по краям путей любви.
А уж в полдень полновластный –
в ту весеннюю страну
прилечу пчелою красной
и к твоим устам прильну!
2 марта 1919

Петр в Голландии
Из Московии суровой
он сюда перешагнул.
Полюбил он моря гул,
городок наш изразцовый
и бродил вдоль берегов,
загорелый, грубый, юный.
Ветер. Пепельные дюны.
Стук далеких топоров.
Разноцветные заплаты
парусов над рябью вод.
Стая чаек. Небосвод,
как фаянс, зеленоватый.
Были мудры вечера.
Кружки. Сонные соседи.
Думы голосом победы
звали плотника – Петра.
У стола мечтал он важно.
Четко тикали часы.
Помню: жесткие усы,
взор жестокий и отважный,
тень локтей и головы,
полки в маленькой таверне,
а на печке – блеск вечерний
и квадраты синева.
17 марта 1919

Россия
Не все ли равно мне, рабой ли, наемницей
иль просто безумной тебя назовут?
Ты светишь... Взгляну – и мне счастье вспомнится.
Да, эти лучи не зайдут.
Ты в страсти моей и в страданьях торжественных,
и в женском медлительном взгляде была.
В полях озаренных, холодных и девственных,
цветком голубым ты цвела.
Ты осень водила по рощам заплаканным,
весной целовала ресницы мои.
Ты в душных церквах повторяла за дьяконом
слепые слова ектеньи.
Ты летом за нивой звенела зарницами,
в день зимний я в инее видел твой лик.
Ты ночью склонялась со мной над страницами
властительных, песенных книг.
Была ты и будешь. Таинственно создан я
из блеска и дымки твоих облаков.

Горний путь. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

Когда надо мною ночь плещется звездная,
я слышу твой реющий зов.
Ты – в сердце, Россия. Ты – цепь и подножие,
ты – в ропоте крови, в смятенье мечты.
И мне ли плутать в этот век бездорожия?
Мне светишь по-прежнему ты.

5 марта 1919

Крым

«Эту жизнь я люблю исступленной любовью...»
Эту жизнь я люблю исступленной любовью...
По заре выхожу на крыльцо.
Из-за моря багряною пламенной кровью
солнце буйно мне плещет в лицо.
Дуновенья весны, как незримые девы,
с ярким смехом целуют меня.
Многозвучная жизнь! Лепестки и напевы,
и на всем – паутина огня!
И когда все уйдет, и томиться я буду
у безмолвного Бога в плену,
о, клянись, ничего, ничего не забуду
и на мир отдаленный взгляну.
С сожаленьем безмерным и с завистью чудной
оглянусь – и замру я, следя,
как пылает и катится шар изумрудный
в полосе огневого дождя!
И я вспомню о солнце, о солнце победном,
и о счастии каждого дня.
Вдохновенье я вспомню, и ангелам бледным
я скажу: отпустите меня!
я не ваш. Я сияньем горю беззаконным
в белой дымке бестрепетных крыл,
и мечтами я там, где ребенком влюбленным
и ликующим богом я был!

9 марта 1919

Кипарисы

Склонясь над чашею прозрачной –
над чашей озера жемчужной,
три кипариса чудно-мрачно
шумят в лазури ночи южной.
Как будто черные монахи,
вокруг сияющей святыни,
в смятенье вещем, в смутном страхе,
поют молитвы по-латыни.

22 марта 1919

«Еще безмолвствую и крепну я в тиши...»
Еще безмолвствую и крепну я в тиши.
Созданий будущих заоблачные грани
еще скрываются во мгле моей души,
как выси горные в предутреннем тумане.
Приветствую тебя, мой неизбежный день.
Все шире, шире даль, светлей, разнообразней,
и на звенящую на первую ступень
всхожу, исполненный блаженства и боязни.

23 марта 1919

Крым

СТАМБУЛ

Всплывает берег на заре,
летает ветер благовонный.
Как бы стоит корабль наш сонный
в огромном, круглом янтаре.
Кругами влагу бороздя,
плеснетя стая рыб дремотно,
и этот трепет мимолетный,
как рябь от легкого дождя.
Стамбул из сумрака встает:
два резко-черных минарета
на смуглом золоте рассвета,
над озаренным шелком вод.

6 апреля 1919

Золотой Рог

«По саду бродишь и думаешь ты...»
По саду бродишь и думаешь ты.
Тень пролилась на большие цветы.
Звонкою ночью у ветра спроси:
так же ль березы шумят на Руси?
Страстно спроси у хрустальной луны:
так же ль на родине реки ясны?
Ветер ответит, ответят лучи...
Все ты узнаешь, но только смолчи.

27 апреля 1919

Фалер

«Что нужно сердцу моему...»
Что нужно сердцу моему,
чтоб быть счастливым? Так немного...
Люблю зверей, деревья, Бога,
и в полдень луч, и в полночь тьму.
И на краю небытия
скажу: где были огорченья?
Я пел, а если плакал я –
так лишь слезами восхищенья...

5 марта 1919

Верба

Колоколов напев узорный,
волненье мартовского дня,
в спирту зеленом чертик черный,
и пестрота, и толкотня,
и ветер с влажными устами,
и почек вербных жемчуга,
и облака над куполами,
как лучезарные снега,
и красная звезда на палке,
и писк бумажных языков,
и гул, и лужи, как фиалки,
в просветах острых меж лотков,
и шепот дерзких дуновений:
лети, признаний не таи!
О юность, полная видений!
О песни первые мои!

26 июня 1919

Париж

Русалка

Пахнуло с восходом огромной луны
сладчайшею свежестью в плечи весны.
Колеблясь, колдуя в лазури ночной,
прозрачное чудо висит над рекой.
Все тихо и хрупко. Лишь дышит камыш;
над влагой мелькает летучая мышь.
Волшебнo-возможного полночь полна.
Река предо мною зеркально-черна.
Гляжу я – и тина горит серебром,
и каплют звезды в тумане сыром.
Гляжу – и, сияя в извилистой мгле,
русалка плывет на сосновом стволе.
Ладони простерла и ловит луну:
качнется, качнется и канет ко дну.
Я вздрогнул, я крикнул: взгляни, подплыви!
Вздохнули, как струны, речные струи.
Остался лишь тонкий сверкающий круг,
да в воздухе тает таинственный звук...

13 июля 1919

«Разбились облака. Алмазы дождевые...»
Разбились облака. Алмазы дождевые,
сверкая, каплют то тише, то быстрее
с благоухающих, взволнованных ветвей.
Так Богу на ладонь дни катятся людские,
так – отрывается дыханьем бытия

Горний путь. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
и звучно падает в пределы неземные
песнь каждая моя...

23 августа 1919

«Мне так просто и радостно снилось...»

Мне так просто и радостно снилось:

ты стояла одна на крыльце
и рукой от зари заслонилась,
а заря у тебя на лице.

Упадали легко и росисто
луч на платье и тень на порог,
а в саду каждый листик лучистый
улыбался, как маленький бог.
Ты глядела, мое сновиденье,
в глубину голубую аллею,
и сквозное листвы отраженье
трепетало на шее твоей.

Я не знаю, что все это значит,
почему я проснулся в слезах...
Кто-то в сердце смеется и плачет,
и стоишь ты на солнце в дверях.

13 августа 1919

Памяти друга

В той чаше, где тысяча ягод
краснели, как точки огня,
мы двое играли; он на год,
лишь на год был старше меня.
Игру нам виденья внушали
из пестрых, воинственных книг,
и сказочно сосны шуршали,
и мир был душист и велик.

Мы выросли... Годы настали

борьбы, и позора, и мук.

Однажды мне тихо сказали:

«Убит он, веселый твой друг...»

Хоть проще все было, суровой,
играл он все в ту же игру.

Мне помнится: каплями крови
краснела брусника в бору.

«Простая песня, грусть простая...»

Простая песня, грусть простая,
меж дальних веток блеск реки,
жужжат так густо, пролетая,
большие майские жуки.

Закатов поздних несказанно
люблю алеющую лень...

Благоуханна и туманна,
как вечер выцветший, сирень.
Ночь осторожна, месяц скромн,
проснулся филин, луг росист.
Берез прелестных четко-темен
на светлом небе каждый лист.
Как жемчуг в раковине алой,
мелькает месяц вдалеке,
и веет радостью бывалой
девичья песня на реке.

17 августа 1919

Вьюга

Тень за тенью бежит – не догонит,
вдоль по стенке... Лежи, не ворчи.
Стонет ветер? И пусть себе стонет...
Иль тебе не тепло на печи?
Ночь лихая... Тоска избяная...
Что ж не спится? Иль ветра боюсь?
Это – Русь, а не вьюга степная!
Это корчится черная Русь!
Ах, как воеет, как бьется – кликуша!
Коли можешь – пойд и спаси!
А тебе-то что? Полно, не слушай...

Обойдемся и так, без Руси!

Стонет ветер все тише и тише...

Да как взвизгнет! Ах, жутко в степи...

Завтра будут сугробы до крыши...

То-то вьюга! Да ну ее! Спи.

30 августа 1919

«Катится небо, дыша и блистая...»

Катится небо, дыша и блистая...

Вот он – дар Божий, бери не бери!

Вот она – воля, босая, простая,

холод и золото звонкой зари!

Тень моя резкая – тень исполина.

Сочные стебли хрустят под ступней.

В воздухе звон. Розовеет равнина.

Каждый цветок – словно месяц дневной.

Вот она – воля, босая, простая!

Пух облаков на рассветной кайме...

И, как во тьме лебединая стая,

ясные думы восходят в уме.

Боже! Воистину мир Твой чудесен!

Молча, собрав полевую росу,

сердце мое, сердце, полное песен,

не расплескав, до Тебя донесу...

13 сентября 1919

Осень

И снова, как в милые годы

тоски, чистоты и чудес,

глядится в безвольные воды

румяный редущий лес.

Простая, как Божье прощенье,

прозрачная ширится даль.

Ах, осень, мое упоенье,

моя золотая печаль!

Свежо, и блестят паутины...

Шурша, вдоль реки прохожу,

сквозь ветви и гроздь рябины

на тихое небо гляжу.

И свод голубеет широкий,

и стаи кочующих птиц –

что робкие детские строки

в пустыне старинных страниц.

25 сентября 1919

М. W.

Часы на башне распевали

над зыбью ртутною реки,

и в безднах улиц возникали,

как капли крови, огоньки.

Я ждал. Мерцали безучастно

скучающие небеса.

Надежды пели ясно-ясно,

как золотые голоса.

Я ждал, по улицам блуждая,

и на колесах корабли,

зрачками красными вращая,

в тумане с грохотом ползли.

И ты пришла, необычайна,

меня заметила впотьмах,

и встала бархатная тайна

в твоих языческих глазах.

И наши взгляды, наши тени

как бы сцепились на лету,

и как ты вздрогнула в смятенье,

мою предчувствуя мечту!

И в миг стремительно-горящий,

и отгоняя, и маня,

с какой-то жалобой звенящей

оторвалась ты от меня.

Исчезла, струнно улетела...

Горний путь. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

На плен ласкающей любви
ты променять не захотела
пустыни вольные свои.
И снова жду я, беспокойный,
каких чудес, какой тиши?
И мечется твой ветер знойный
в гудящих впадинах души.

Лондон

Marble Arch

«Звон, и радугой росистой...»
Звон, и радугой росистой
малый купол окаймлен...
Капай, частый, капай, чистый,
серебристый перезвон...
Никого не забывая,
жемчуг выплесни живой...
Плачет свечка восковая,
голубь дымно-голубой...
И ясны глаза иконок,
и я счастлив, потому
что церковенка-ребенок
распевает на холму...
Да над нею, беспорочной,
уплывает на восток
тучка вогнутая, точно
мокрый белый лепесток...
«Будь со мной прозрачнее и проще...»
Будь со мной прозрачнее и проще:
у меня осталась ты одна.
Дом сожжен и вырублены рощи,
где моя туманилась весна,
где березы грезили и дятел
по стволу постукивал... В бою
безысходном друга я утратил,
а потом и родину мою.
И во сне я с призраками реял,
наяву с блудницами блуждал,
и в горах я вымыслы развеял,
и в морях я песни растерял.
А теперь о прошлом суждено мне
тосковать у твоего огня.
Будь нежней, будь искреннее. Помни,
ты одна осталась у меня.

12 ноября 1919

Зима

Только елочки упрямы –
зеленеют – то во мгле,
то на солнце. Пахнут рамы
свежим клеем, на стекле
перламутровый и хрупкий
вьется инея цветок,
на лазури, в белой шубке
дремлет сказочный лесок.
Утро. К снежному сараю
в гору повезли дрова.
Крыша искрится, по краю –
ледяные кружева.
Где-то каркает ворона,
чьи-то валенки хрустят,
на ресницы с небосклона
блестки пестрые летят...

1 декабря 1919

«Мой друг, я искренно жалею...»
Мой друг, я искренно жалею
того, кто, в тайной слепоте
пройдя всю длинную аллею,
не мог приметить на листе
сеть изумительную жилок,

Горний путь. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
и точки желтых бугорков,
и след зазубренный от пилок
голуборогих червяков.

2 января 1920

Весна

Взволнован мир весенним дуновеньем,
вернулись птицы, и звенят ручьи
бубенчиками влаги. С умилением
я разбираю мелочи любви
на пыльных полках памяти. Прохладно
в полях, и весело в лесу, куда
ни ступишь – крупный ландыш. Как вода,
дрожит лазурь – и жалобно, и жадно
глядит на мир. Березы у реки –
там, на поляне, сердцем не забытой,
столпились и так просто, деловито
развертывают липкие листки,
как будто это вовсе и не чудо,
а в синеве два тонких журавля
колеблются, и может быть, оттуда
им кажется зеленая земля
неспелым, мокрым яблоком...

17 января 1920

«Маркиза маленькая знает...»

Маркиза маленькая знает,
как хороша его любовь.
В атласный сад луна вступает,
подняв напудренную бровь.
Но медлит милый, а былинке
былинка рассказывает сон:
на звонком-тонком поединке
он шпагой мстительной пронзен.
Фонтаны плещут, и струисто
лепечет жемчуг жемчугу:
лежит он, мальчик серебристый,
комочком шелка на лугу.
Она бледнеет и со страхом,
ища примет, глядит на птиц,
полет их провожая взмахом
по-детски загнутых ресниц.
А все предчувствие живее;
рыданий душит горький зной,
и укорачивает веер
полупрозрачный, вырезной,
то смутно-розовый, то сизый,
свою душистую дугу,
а рот у маленькой маркизы –
что капля крови на снегу...

22 января 1920

Смерть

Выйдут ангелы навстречу, –
многорадужная рать,
на приветствия отвечу:
не хочу я умирать!
Надо мной сомкнутся крылья,
заблистают, зазвенят...
Только вспомню, что любил я
теплых и слепых щенят.

5 февраля 1920

Капли красок

1. Всепрощающий

Он горстью мягкой земли
и кровь и слезы многим вытер;
Он милосерден. В рай вошли
блудница бледная и мытарь.
И он своим святым простит,
что золотые моли гибли
в лампадах и меж слитых плит

Горний путь. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
благоуханно-блеклых библий.

2. Joie de vivre[2]

И в утро свежее любви
на берег женственно-отлогий
мы выбегали, и твои
босые вспыхивали ноги.
Мы задыхались в серебре
осоки сочной, и, бывало,
подставя зеркальце к заре,
ты отраженье целовала.

3. Крымский полдень

Черешни, осы – на лотках;
и, точно отсвет моря синий,
на знойно-каменных стенах
горят, горят глаза глициний.
Белы до боли облака,
ручей звездой в овраге высох,
и, как на бархате мука,
седеет пыль на кипарисах.

4. Былинки

Мы пели в поле, и луны
блуждало блещущее диво.
Былинки были так бледны,
так колебались боязливо.
Мы шли, и, может быть, цветок,
между былинками, в тревоге
шепнул: «Я вижу – я высок:
блуждают блещущие боги...»

5. Художник

Он отвернулся от холста
и в сад глядит, любясь свято
полетом алого листка
и тенью клена лиловатой;
любясь всем, как сын и друг,
без недоверья, без корысти,
и капля радужная вдруг
спадает с вытянутой кисти.

6. Яблони

Где ты, апреля ветерок,
прелестный, в яблони влюбленный?
Цветут, цветут, а ты снежок
сдуваешь этот благовонный...
В былые, благостные дни,
в холодном розовом тумане,
да, сладко сыпались они,
цветы простых очарований.

7. Речная лилия

На лодке выцветшей вдвоем
меж камышей мы проплываем.
Я вялым двигаю веслом,
ты наклоняешься над краем.
И зеленеет глубина,
И в лени влаги появленье
лилеи белой, как луна,
встречаешь всхлипом восхищенья...

8. В лесу

Шептала, запрокинув лик,
ты о разлуке предстоящей,
а я глядел, как бился блик
на дне шушукующей чащи,
как – в дымке – ландыша душа
дышала, и как с тонкой ношей
полз муравей, домой спеша,
такой решительный, хороший...

9. Вдохновенье

Когда-то чудо видел я;
передаю созвучьям ныне
то чудо, но душа моя –

как птица белая на льдине,
и хоть горит мой стих живой,
мне чуждо самому волнение.
Я скован. Холод заревой
кругом. И это – вдохновение...

10. La Morte De Arthur[3]

Все, что я видел, но забыл,
ты, сказка гулкая, напомни;
да: робким рыцарем я был,
и пряжка резала плечо мне.
Да. Злая встреча у ручья
в тот вечер шелково-зеленый,
кольчуги вражьей чешуя,
и конь под траурной попоной.

11. Decadence[4]

Там, говорят, бои, гроза...
А в Риме сумеречном, тонко
подкрасив грустные глаза,
стихи расплескиваю звонко.
Но завтра... Сердца стебелек
я обнажу, из нежной раны
в воде надушенной дымок
возникнет матово-румяный...

12. Крестоносцы

Когда мы встали пред врагом,
под белоснежными стенами,
и стрелы взвизгнули кругом,
Христос явился между нами.
Взглянул – и стрелы на лету
в цветы и звезды превратились
и роем радостным Христу
на плечи плавно опустились.

13. Кимоно

Дыханье веера, цветы,
в янтарном небе месяц узкий...
Зевая, спрашиваешь ты,
как слово happiness[5] по-русски.
А в тучках нежность хризантем,
и для друзей я отмечаю,
что месяц тающий – совсем
лимона ломтик в чашке чаю.

14. Meretrix[6]

Твой крест печальный – красота,
твоя Голгофа – наслаждение.
Скользишь, безвольна и чиста,
из сновиденья в сновиденье,
не изменяя чистоте
своей таинственной, кому бы
ни улыбались в темноте
твои затравленные губы.

15. Достоевский

Тоскуя в мире, как в аду,
уродлив, судорожно-светел,
в своем пророческом бреде
он век наш бедственный наметил.
Услыша вопль его ночной,
подумал Бог: ужель возможно,
что все дарованное Мной
так страшно было бы и сложно?

16. Аэроплан

Скользнув по стоптанной траве,
взвился он звучно, без усилия,
и засияли в синеве
давно задуманные крылья.
И мысли гордые текли
под музыку винта и ветра...
Дно исцарапанной земли
казалось бредом геометра.

17. Наполеон в изгнании
Дом новый, глухо-знойный день
и пальма, точно жестяная...
Вот он идет, глядит на тень
свою смешную, вспоминая
тень пестрых шелковых знамен
у сфинкса тусклого на лапе...
Остановился; жалок он
в широкополой этой шляпе...
6–24 декабря 1919
Детство

1

При звуках, некогда подслушанных минувшим,
любовью молодой и счастьем обманувшим,
пред выцветшей давно, знакомою строкой,
с улыбкой начатой, дочитанной с тоской,
порой мы говорим: ужель все это было?
и удивляемся, что сердце позабыло,
какая чудная нам жизнь была дана...

2

Однажды, грусти полн, стоял я у окна:
братишка мой в саду, Бог весть во что играя,
клат камни на карниз. Вдруг, странно замирая,
подумал я: ужель и я таким же был?
И в этот миг все то, что позже я любил,
все, что изведаль я – обиды и успехи –
все затуманилось при тихом, светлом смехе
восставших предо мной младенческих годов.

3

И вот мне хочется в размер простых стихов
то время заключить, когда мне было восемь,
да, только восемь лет. Мы ничего не просим,
не знаем в эти дни, но многое душой
уж можем угадать. Я помню дом большой,
я помню лестницу, и мраморной Венеры
меж окон статую, и в детской полусерый
и полузолотой непостоянный свет.

4

Вставал я нехотя. (Как будущий поэт,
предпочитал я сон действительности ясной.
Конечно, не всегда: как торопил я страстно
медлительную ночь пред светлым Рождеством!)
Потом до десяти, склонившись над столом,
писал я чепуху на языке Шекспира,
а после шел гулять...

5

Отдал бы я полмира,
чтоб снова увидеть мир яркий, молодой,
который видел я, когда ходил зимой
вдоль скованной Невы великолепным утром!
Снег, отливающий лазурью, перламутром,
туманом розовым подернутый гранит, –
как в ранние лета все нежит, все пленит!

6

Тревожишь ты меня, сон дальний, сон неверный...
Как сказочен был свет сквозь арку над Галерной!
А горка изо льда меж липок городских,
смех девочек-подруг, стук санок удалых,
рябые воробьи, чугунная ограда?
О сказка милая, о чистая отрада!

7

Увы! Все, все теперь мне кажется другим:
собор не так высок, и в сквере перед ним
давно деревьев нет, и уж шаров воздушных,
румяных, голубых, всем ветеркам послушных,
на серой площади никто не продает...
Да что и говорить! Мой город уж не тот...

8

Зато остались мне тех дней воспоминанья:
я вижу, вижу вновь, как, возвратясь с гулянья,
позавтракав, ложусь в кроватку на часок.
В мечтаньях проходил назначенный мне срок...
Садилась рядом мать и мягко целовала
и пароходики в альбом мне рисовала...
Плезней всех наук был этот миг тиши!

9

Я разноцветные любил карандаши,
пахучих сургучей густые капли, краски,
бразильских бабочек и английские сказки.
Я чутко им внимал. Я был героем их:
как грозный рыцарь, смел, как грустный рыцарь, тих,
коленопреклонен пред смутной, пред любимой...
О, как влекли меня Ричард непобедимый,
свободный Робин Гуд, туманный Ланцелот!

10

Картинку помню я: по озеру плывет
широкий, низкий челн; на нем простерта дева,
на траурном шелку, среди белых роз, а слева
от мертвой, на корме, таинственный старик
седою головой в раздумии поник,
и праздно весло скользит по влаге сонной,
меж лилий водяных...

11

Глядел я, как влюбленный,
мечтательной тоски, видений странных полн,
на бледность этих плеч, на этот черный челн,
и ныне, как тогда, вопрос меня печалит:
к каким он берегам неведомым причалит,
и дева нежная проснется ли когда?

12

Назад, скорей назад, счастливые года!
Ведь я не выполнил заветов ваших тайных.
Ведь жизнь была потом лишь цепью дней случайных,
прожитых без борьбы, забытых без труда.
Иль нет, ошибся я, далекие года!
Одно в душе моей осталось неизменным,
и это – преданность виденьям несравненным,
молитва ясная пред чистой красотой.
Я ей не изменил, и ныне пред собой
я дверь минувшего без страха открываю
и без раскаянья бывшее призываю!

13

Та жизнь была тиха, как ангела любовь.
День мирно протекал. Я вспоминаю вновь
безоблачных небес широкое блистанье,
в коляске медленной обычное катанье
и в предзакатный час – бисквиты с молоком.
Когда же сумерки сгущались за окном,
и шторы синие, скрывая мрак зеркальный,
спускались, шелестя, и свет полупечальный,
полуотрадный ламп даль комнат озарял;
безмолвно, сам с собой, я на полу играл,
в невинных вымыслах, с беспечностью священной,
я жизни подражал по-детски вдохновенно:
из толстых словарей мосты сооружал,
и поезд заводной уверенно бежал
по рельсам жестяным...

14

Потом – обед вечерний.
Ночь приближается, и сердце суеверней.
Уж постлана постель, потушены огни.
Я слышу над собой: Господь тебя храни...
Кругом чернеет тьма, и только щель дверная
полоской узкою сверкает, золотая.
Блаженно кутаюсь и, ноги подобрал,
вникаю в радугу обещанных забав...

Горний путь. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Как сладостно тепло! И вот я позабылся...

15

И странно: мнится мне, что сон мой долго длился,
что я проснулся – лишь теперь, и что во сне,
во сне младенческом приснилась юность мне;
что страсть, тревога, мрак – все шутка домового,
что вот сейчас, сейчас ребенком встану снова
и в уголку свой мяч и паровоз найду...

Мечты!..

16

Пройдут года, и с ними я уйду,
веселый, дерзостный, но втайне беззащитный,
и после, может быть, потомок любопытный,
стихи безбурные внимательно прочтя,
вздохнет, подумает: он сердцем был дитя!
21–22 августа 1918

Ангелы

О лучезарных запою,
лазурь на звуки разбивая...
Блистает лестница в раю,
потоком с облака спадая.
О, дуновенье вечных сил!
На бесконечные ступени
текут волнующихся крыл
цветные, выпуклые тени.
Проходят ангелы в лучах.
Сияют радостные лики,
сияют ноги, и в очах
Бог отражается великий.
Струится солнце им вослед;
и ослепителен и сладок
над ступенями свежий свет
пересекающихся радуг...

1. Серафимы

Из пламени Господь их сотворил, и встали
они вокруг Него, запели, заблестали
и, ослепленные сияньем Божества,
расправили крыла и заслонились ими,
и очи вспыхнули слезами огневыми.
«Бог – лучезарная, безмерная Любовь!» –
шестикрылатые запели Серафимы;
метнулись, трепеща, приблизились и вновь
откликнулись, огнем божественным палимы,
и слезы райские из ангельских очей
свободно полились, блеснув еще светлей...
Одни на небесах остались, и звездами
их люди назвали. Они горят над нами,
как знаки Вечности... Другие – с высоты
упали в этот мир, и на земле их много:
живые отблески небесной красоты,
хвала, предчувствие сияющего Бога,
и пламенной любви блаженная тревога,
и вдохновенья жар, и юности мечты.

2. Херувимы

Они над твердью голубой,
покрыв простертыми крылами
Зерцало Тайн, перед собой
глядят недвижными очами
и созерцают без конца
глубокую премудрость Бога;
и, содрогаясь вокруг Творца
и нагибаясь, шепчут строго
друг другу тихое: «Молчи!»,
и в сумрак вечности вникают,
где жизнью тонкие лучи
из мира в мир перелетают,
где загораются они
под трепетными небесами,

как в ночь пасхальную огни
свеч, наклонившихся во храме.
И бытие, и небосвод,
и мысль над мыслями людскими,
и смерти сумрачный приход –
все им понятно. Перед ними,
как вереницы облаков,
плывут над безднами творенья,
плывут расчисленных миров
запечатленные виденья.

22 сентября 1918

3. Престолы

Стоял он на скале высокой, заостренной...

В широкой утопала мгле
земля далекая. Стоял он на скале,
весь солнцем озаренный.

От золотых вершин равнину заслонив,
клубились тучи грозовые,
и только вдалеке сквозь волны их седые
чуть вспыхивал залив.

И на горе он пел, задумчиво-прекрасный,
и видел под собой грозу,
извивы молнии, сверкнувшие внизу,
и слышал гром неясный.

За тучей туча вдаль торжественно текла.

Из трещин вылетели с шумом
и пронеслись дугой над сумраком угрюмым
два царственных орла.

Густая пелена внезапно встрепенулась,
и в ней блеснул просвет косой.

Прорвал он облака. Волшебнo пред горой
равнина развернулась.

И рощи темные, и светлые поля,
и рек изгибы и слиянья,
и радуги садов, и тени, и сиянья –
вся Божия земля!

И ясно вдалеке виднелась ширь морская,
простор зеркально-голубой.

И звучно ангел пел, из мира в край иной
неспешно улетаю.

И песнь растаяла в блуждающих лучах,
наполнила все мирозданье.

Величие Творца и красоту созданья
он славил в небесах...

26 сентября 1918

4. Господства

Заботлива Божественная мощь.

Ей радостный дивится небожитель.

Оберегает мудро Промыслитель

волну морей и каждый листик рощ.

Земных существ невидимый Хранитель,

послушных бурь величественный Вождь,

от молнии спасает Он обитель

и на поля ниспосылает дождь.

И ангелы глядят, как зреет нива,

как луг цветет. Когда ж нетерпеливо

мы предаемся гибельным страстям

и поздняя объемлет нас тревога,

слетает в мир посланник чуткий Бога

и небеса указывает нам.

26 сентября 1918

5. Силы

Поведал ангел мне: порочная жена

для ветреных утех покинула супруга,

и вскоре умер он, жестокого недуга

недолгий, кроткий раб... Из-за морей она,

вину свою познав, тревожно возвратилась,

прощенья жаждала и только прах нашла...

Ночь беспросветная, печали ночь сошла.
Вдова бессонная рыдала и молилась,
томима памятью блистательных грехов,
и медленно брела по дому. Звон шагов,
скрип половиц гнилых в покоях одиноких,
все было как упрек, и слезы без конца
лились и сердце жгли. Исчез с ее лица
румянец радостный. В ее мольбах глубоких,
в дрожанье сжатых рук смерть ранняя была.
Тускнели впалые, заплаканные очи,
но скорбная душа ответа все ждала.
Воистину она раскаялась в те ночи!
И это видел Бог, и Он меня призвал
и чудо совершить позволил: я из рая
спустился в некий сад, могилу отыскал,
как вихорь, пролетел над гробовым крестом,
и сила дивная, мне данная Творцом,
вдохнула снова жизнь в безобразное тело...
Земля растрескалась. Могила опустела.
Передо мной стоял недавний труп, теперь –
широкоплечий муж; и я, взмахнув крылами,
«Иди!» сказал ему, и твердыми шагами
он к дому подошел, раскрыл бесшумно дверь,
вошел, как некогда, высокий, тихий, стройный,
благословил ее, в чело поцеловал
и вновь ушел во мрак с улыбкою спокойной.
27 сентября 1918

6. Власти

Чу! Крыльев шум... и слуги сатаны
рассеялись пред ангелами Власти.
И в нас самих, как бурей, сметены
виденья зла, виденья темной страсти.
Шум крыльев, клик... Летят они, трубя,
могучие, багряно-огневые.
Стремясь, гремят их песни грозовые.
Летят они, все грешное губя.
Спускаются, неправых строго судят,
и перед ними падаем мы ниц.
Они блестят, как множество зарниц,
они трубят и души сонных будят.
Открыло им закон свой Божество,
Царь над царями грозно-величавый,
и в отблеске Его безмерной славы,
шумя, кружатся ангелы Его.
28 сентября 1918

7. Начала

На чьем плече, как голубь, спит луна
и чья ладонь под облаком румяным?
Кем ставится стеклянная стена
перед волной, на берегу песчаном?
Гул наших струн, и жизни каждый вздох,
и бред земли – кто, кроме смертных, слышит?
Вот – ночь, вот – день; скажи, кто там колышет
кадило зорь? – Я вижу четырех:
на четырех цветных вершинах горных
они стоят, и ты не знаешь, чей
прекрасней лик, и тысяча очей
горят у них на крыльях нежно-черных.
Один – всю твердь, как чашу, поднимает,
отхлынуть тот велит волнам морским,
один – земле взывающей внимает,
тот – властвует над пламенем благим.
23 сентября 1918

8. Архангелы

Поставь на правый путь! Сомнения развеи...
Ночь давит над землей, и ночь – в душе моей.
Поставь на правый путь.
И страшно мне уснуть, и бодрствовать невмочь.

Горний путь. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Небытия намеки я чувствую в эту ночь.

И страшно мне уснуть.
Я верю, ты придешь, наставник неземной,
на миг, на краткий миг восстанешь предо мной.

Я верю, ты придешь!
Ты знаешь мира ложь, бессилье, сумрак наш,
невидимого мне попутчика ты дашь.

Ты знаешь мира ложь.
И вот подходишь ты. Не мею и дрожу,
движение верное руки твоей слежу.

И вот отходишь ты.
Среди чуждой темноты я вижу путь прямой.
О, дух пророческий, ты говоришь, он – мой?

Среди чуждой темноты...
Но я боюсь идти: могу свернуть, упасть.
И льстива, и страшна ночного беса власть.

О, я боюсь идти...
«Не бойся: по пути ты не один пойдешь.
Не будешь ты один и если соскользнешь
с высокого пути...»

28 сентября 1918

9. Ангел хранитель
В часы полуночи унылой
отчетливее сердца стук,
и ближе спутник яснокрылый,
мой огорченный, кроткий друг.
Он приближается, но вскоре
я забываюсь, и во сне
я вижу бурю, вижу море
и дев, смеющихся на дне.
Земного, темного неверья
он знает бездны и грустит,
и светлые роняет перья,
и робко в душу мне глядит.
И веет, крылья опуская,
очарованьем тишины,
и тихо дышит, разгоняя
мои кощунственные сны...
И я, проснувшись, ненавижу
губительную жизнь мою,
тень отлетающую вижу
и вижу за окном зарю.
И падают лучи дневные...
От них вся комната светла:
они ведь – перья золотые
с его незримого крыла.

Крым

Назло неистовым тревогам,
ты, дикий и душистый край,
как роза, данная мне Богом,
во храме памяти сверкай!..
Тебя покинул я во мраке:
качаясь, огненные знаки
в туманном небе спор вели
над гулом берегов коварных.
Кругом, на столбиках янтарных,
стояли в бухте корабли.
В краю неласковом скучая,
все помню – плавные поля,
пучки густые молочая,
вкус теплых ягод кизилля;
я любовался мотыльками
степными – с красными глазками
на темных крыльшках... Текла
от тени к тени золотистой,
подобна музыке волнистой,
неизъяснимая яйла!
О, тиховейные долины,

полдневный трепет над травой,
и холм – залет перепелиный..
О, странный отблеск меловой
расщелин древних, где у края
цветут пионы, обагрят
чертополоха чешую,
и лиловееет орхидея..
О, роши буковые, где я
подслушал, Пан, свирель твою!
Воображаю грань крутую
и прихотливую яйлы,
и там – таинственную тую,
а у подножия скалы –
сосновый лес... С вершины острой
так ясно виден берег пестрый,
хоть наклонись да подбери!
Там я не раз, весною дальней,
встречал, как счастье, луч начальный
и ветер сладостный зари..
Там, ночью звездной, я порою
о крыльях грезил... Вдалеке,
меж гулким морем и горою,
огни в знакомом городке,
как горсть алмазных ожерелий,
небрежно брошенных, горели
сквозь дымку зыбкую, и шум
далеких волн и шорох бора
мне посылали без разбора
за роем рой нестройных дум!
Любил я странствовать по Крыму..
Бахчисарая тополя
встают навстречу пилигриму,
слегка верхами шевеля;
в кофейне маленькой, туманной,
эстампы английские странно
со стен засаленных глядят,
лет полтора им – и боле:
бои былые – тучи, поле
и куртки красные солдат.
И посетил я по дороге
чертог увядший. Лунный луч
белел на каменном пороге.
В сенях воздушных капал ключ
очарованья, ключ печали,
и сказки вечные журчали
в ночной прозрачной тишине,
и звезды сыпались над садом.
Вдруг Пушкин встал со мною рядом
и ясно улыбнулся мне..
О, греза, где мы ни бродили!
Там дни сменялись, как стихи..
Баюкал ветер, а будили
в цветущих селах петухи.
Я видел мертвый город: ямы
былых темниц, глухие храмы,
безмолвный холм Чуфуткалэ..
Небес я видел блеск блаженный,
кремнистый путь, и скит смиренный,
и кельи древние в скале.
На перевале отдаленном
приют – старик полуслепой
мне предложил, с поклоном сонным.
Я утомлен был. Над тропой
сгущались душные потемки;
в плечо впивался мне котомки
линючий, узкий ремешок;
к тому ж над лысиною горной
повисла туча, словно черный,

Горний путь. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
набухший, бархатный мешок.
И тучу, полную жемчужин,
проткнула с хохотом гроза,
и был уютен малый ужин
в татарской хижине: буза,
черешни, пресный сыр овечий...
Темнело. Тающие свечи
на круглом низеньком столе,
покрытом пестрой скатереткой,
мерцали ласково и кротко
в пахучей, теплой полумгле.
И синим утром я обратно
спустился к морю по пятам
своей же тени. Неопратно
цвели на кручах, тут и там,
деревья тусклые Иуды,
на камнях млели изумруды
дремотных ящериц, тропа
вилась меж садиков веселых;
пел ручеек, на частоколах
белели козьи черепа.
О, заколдованный, о, дальний
воспоминаний уголок!
Внизу, над морем, цвет миндальный,
как нежно-розовый дымок,
и за поляною поляна,
и кедры мощные Ливана,
аллей пленительная мгла
(приют любви моей туманной!),
и кипарис благоуханный,
и восковая мушмула...
Меня те рощи позабыли...
В душе остался мне от них
лишь тонкий слой цветочной пыли...
К закату листья дум моих
при первом ветре обратятся,
но если Богом мне простятся
мечты ночей, ошибки дня,
и буду я в раю небесном,
он чем-то издавна известным
повеет, верно, на меня!
30 июня 1920
Сон на Акрополе
Я эти сны люблю и ненавижу.
Ты знаешь ли их странную игру?
На миг один, как стая птиц роскошных,
в действительность ворвется вдруг былое
и вокруг тебя, сверкая, закружится
и улетит, всю душу взволновав.
Я в первый раз Акрополь посещал...
Убогий грек со стразом на мизинце,
все добросовестно мне объясняя,
вводил меня в разрушенные храмы
своих непостижимых предков. Маки
алели меж камней, и мимолетно
подумал я, что мраморные глыбы,
усеянные маками, похожи
на мертвецов с пурпурными устами...
Мы миновали желтые колонны
и с вышины увидели окрестность.
Взглянул я вниз, и чудо совершилось...
То южное ли солнце подшутило
над северной, тоскующей душой,
иль слишком жадные глаза поэта
мучительно и чудно обманулись,
не ведаю... Но вдруг исчезли горы,
гладь синяя мерцающего моря
в цветущую равнину превратилась:

ромашек золотистые сердца,
и вдовый цвет лиловый и пушистый,
и колокольчики – я различал
в траве густой, лоснящейся на солнце..
Преобразились белые Афины.
Передо мной – знакомое село:
все – сизые, полуслепые избы,
кабак с зеленой вывеской, часовня,
да мальчишки, играющие в бабки,
да жалобно мычащая корова,
да пьяница, и пьяный русский ветер,
вздувающий рубашку на спине..
А там, вдали, меж полем и деревней,
я вижу лес, как молодость, веселый,
березовый, бледно-зеленый лес,
и просветы тропинок своенравных..
Как хочется предаться их извивам,
блуждать, мечтать, срывать кору с берез
и обнимать янтарный, влажный ствол,
лгнуть, лгнуть к нему и грудью, и губами,
и кровь его медовую впивать!
Все вижу: блеск песчинки на тропе,
и труп крота близ горки чернозема,
и пестрого жука на черной шкурке..
А сам я (о, как сладко-совершенно
мне это чудилось!) – я сам стою
на деревенском кладбище, где дышит
так пряно тень черемухи склоненной,
где меж могил алеет земляника,
где сыплются ольховые сережки
на старые, горбатые кресты..
И нехотя очнулся я, и голос
поскрипывал, прилежно рассуждая
о стройности дорических колонн
и о былых властительных богинях.
Что мне до них? Я видел сон иной.
День увидал. Внизу горели окна.
На запад шли оранжевые тучи.
«Благодарю», – промолвил я поспешно,
и на ладонь услужливого грека
упало несколько монет дырявых.
Так – за мечту платил я серебром..
25 апреля 1919

Афины

Странствия

Ты много странствовал. Рассказ холодный твой
я ныне слушаю не с завистью живой,
а с чувством сложного, глухого сожаленья.
Мне горько за тебя. Скитался долго ты;
везде вокруг себя единой красоты
разнообразные ты видел проявленья,
и многих городов в записках путевых
тобой приведены бесцветные названья.
Но ты не испытал тоски очарованья!
На желтом мраморе святилищ вековых,
на крыльях пестрых птиц, роскошных насекомых
узор ты примечал, не чуя Божества;
стыдливой музыке наречий незнакомых
с улыбкой ты внимал, а выучил слова
приветствий утренних, вечерних пожеланий;
в пустынях, в городах иль ночью, на поляне,
сияющей в лесу как озеро, о нет,
не содрогался ты, внезапно потрясенный
сознаньем бытия.. И через много лет
ты возвращаешься, но смотришь изумленно,
когда я говорю, что сладостно потом
о странствиях мечтать, о прошлом золотом,
и вдруг припоминать, в тревоге, в умиленье

Горний путь. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
мучительно не то, что знать бы всякий мог,
а мелочь дивную, оттенок, миг, намек, –
звезду под деревом да песню в отдаленье.

14 февраля 1920

«Над землю стоит голубеющий пар...»

Над землю стоит голубеющий пар.

Почки лип озарили аллею;

и с нелепою песенкой первый комар

мне щекочет настойчиво шею..

И тоску по иной, сочно-черной весне –

вдохновенное воспоминанье –

ах, какую тоску! – пробуждает во мне

комариное это жужжанье..

20 февраля 1920

Football [7]

Я видел, за тобой шел юноша, похожий

на многих; знал я все: походку, трубку, смех.

Да и таких, как ты, немало ведь, и что же,

люблю по-разному их всех.

Вы проходили там, где дружественно-рьяно

играли мы, кружась под зимней синевою.

Отрадная игра! Широкая поляна,

пестрят рубашки; мяч живой

то мечется в ногах, как молния кривая,

то – выстрела звучней – взвивается, и вот

подпрыгиваю я, с размаху прерывая

его стремительный полет.

Увидя мой удар, уверенно-умелый,

спросила ты, следя вращающийся мяч:

знаком ли он тебе – вон тот, в фуфайке белой,

худой, лохматый, как скрипач.

Твой спутник отвечал, что, кажется, я родом

из дикой той страны, где каплет кровь на снег,

и, трубку пососав, заметил мимоходом,

что я – приятный человек.

И дальше вы пошли. Туманясь, удалился

твой голос солнечный. Я видел, как твой друг

последовал, дымя, потом остановился

и трубкой стукнул о каблук.

А там все прыгал мяч, и ведать не могли вы,

что вот один из тех беспечных игроков

в молчанье, по ночам, творит, неторопливый,

созвучья для иных веков.

26 февраля 1920

Кембридж

«Безвозвратная, вечно-родная...»

Безвозвратная, вечно-родная,

эти слезы, чуть слышно звенящие,

проливал я, тебя вспоминая.

Поглядел я на звезды, горящие,

как высокие скорбные мысли,

и лучи удлинялись колючие,

ослепили меня и повисли

на ресницах жемчужины жгучие.

О, стекайте по тайным морщинам,

слезы яркие, слезы тяжелые!

Над минувшим, над счастьем единым

разгорайтесь, лучи невеселые..

Все ушло, все дороги смешались,

разлюбил я напевы искусные..

Только звезды у сердца остались,

только звезды, большие и грустные..

4 марта 1920

Движенье

Искусственное тел передвиженье –

вот разума древнейшая любовь,

и в этом жадно ищет отраженья

под кожу кружащаяся кровь.

Горний путь. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
чу! По мосту над бешеною бездной
чудовище с зарницей на хребте
как бы грозой неистово-железной
проносится в гремящей темноте.
И, чуя, как добычу, берег дальний,
стоокие, по морокам морей
плывут и плещут музыкою бальной
чертоги исполинских кораблей.
Наклон, оправданное вычисленье
да четкий повторяющийся взрыв –
и вот оно, Дедала сновиденье,
взлетает, крылья струнные раскрыв.

1918

Крым

Телеграфные столбы
Столбов однообразных придорожных
фарфоровые бубенцы и шесть
гудящих струн...

Скользит за вестью весть –
шум голосов бесчисленных, тревожных
и жалобных скользит из края в край.
И ты – на бледной полосе дороги,
ты, странник загорелый, босоногий,
замедли шаг и с ветром замирай,
внимая проплывающему пенью.
Гудит, гудит уныние равнин,
и каждый столб ложится длинной тенью,
и путь далек, и ты один...

11 марта 1920

Каштаны

Цветущие каштаны, словно храмы
открытые, сияют вдоль реки.
Их красоту задуют ветерки
задорные, но в этот вечер – самый
весенний из весенних вечеров –
они чудесней всех твоих даров,
незримый Зодчий! Кто-то тихо, чисто
в цветах звенит (кто, ангел или дрозд?),
и тени изумрудные слоистой
листвы и грозди розовые звезд
в воде отражены.

Я здесь, упрямый,
юродивый, у паперти стою
и чуда жду, и видят грусть мою
каштаны, восхитительные храмы...

20 мая 1920

Кембридж

«Люблю в струящейся дремоте...»
Люблю в струящейся дремоте
сливаться с вечером, когда
вы смутно в памяти поете,
о, потонувшие года!
Люблю я тайные кочевья...
Целую умерших, во сне.
Колосья, девушки, деревья –
навстречу тянутся ко мне.
Еще не дышит вдохновенье,
а мир обычного затих:
то неподвижное мгновенье –
уже не боль, еще не стих.
И полумысли, полузвуки
вплывают в дымчатый мой сон,
белея в сумерках, как руки
недорисованных Мадонн...
«Твоих одежд воздушных я коснулся...»
Твоих одежд воздушных я коснулся,
и мелкие посыпались цветы
из облака благоуханной ткани.

Горний путь. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

Стояли мы на белых ступенях,
в полдневный час, у моря, и на юге,
сверкая, колебались корабли.
Спросила ты:

что на земле прекрасней
темно-лиловых лепестков фиалок,
разбросанных по мрамору?

Твои

глаза, твои покорные глаза,
я отвечал.

Потом мы побрели
вдоль берега, ладонями блуждая
по краю бледно-каменной ограды.
Синела даль. Ты слабо улыбалась,
любуюсь парусами кораблей,
как будто вырезанными из солнца.

29 мая 1920

Романс

И на берег весенний пришли мы назад
сквозь туман исступленных растений.
По сырому песку перед нами скользят
наши узкие черные тени.
Ты о прошлом твердишь, о разбитой волне,
а над морем, над золотоглазым,
кипарисы на склонах струятся к луне,
и внимаю я райским рассказам.
Отражаясь в воде, колокольчики звезд
непонятно звенят, а над морем
повисает горящий, змеящийся мост,
и как дети о прошлом мы спорим.

Вспоминаем порывы разбрызганных дней.

Это больно, и это не нужно...

Мы идем, и следы наших голых ступней
наполняются влагой жемчужной.

8 июня 1920

Кембридж

Ласточки

Инок ласковый, мы реем
над твоим монастырем
да над озером, горящим
синеватым серебром.
Завтра, милый, улетаем –
утром сонным в сентябре.
В Цареграде – на закате,
в Назарете – на заре.
Но на север мы в апреле
возвращаемся, и вот
ты срываешь, иннок тонкий,
первый ландыш у ворот;
и, не понимая птичьих
маленьких и звонких слов,
ты нас видишь над крестами
бирюзовых куполов.

10 июня 1920

Тайная вечеря

Час задумчивый строгого ужина,
предсказанья измен и разлуки.

Озаряет ночная жемчужина
олеандровые лепестки.

Наклонился апостол к апостолу.

У Христа – серебристые руки.

Ясно молятся свечи, и по столу
ночные ползут мотыльки.

1918

Крым

Е. Л.

Она давно ушла, она давно забыла..

Ее задумчивость любил я... Это было

Горний путь. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

в апреле лет моих, в прелестные лета,
на севере земли... Печаль и чистота
сливались в музыку воздушную, в созвучья
нерукотворные, когда, раздвинув сучья,
отяжелевшие от желтых звезд и пчел,
она меня звала. Я с нею перечел
все сказки юности, туманные, как ивы
над серым озером, на скатах, где, тоскливый,
играл я лютикам на лютне, под луной...
Ее задумчивость любил я. Надо мной
она как облако склонялась золотое,
о чем-то сетуя и в счастье простое
уверовать боясь. Ее полуобняв,
рассказывал я сны. Тогда, глаза подняв
(и лучезарная в них осень улыбалась),
она глядела вдаль, и плавно колебалась
тень ивовой листвы на платье, на плечах
ее девических, а волосы в лучах
горели призрачно... и все так странно было...
Она давно ушла, она давно забыла...

М. Ш.

Я видел, ты витала меж алмазных
стволов и черных листьев, под луной,
воздушно выбегала из бессвязных
узоров сумрака на луг лесной.
Твое круженье было молчаливо,
как ночь, и вдохновенно, как любовь...
Руками всплескивала, и тоскливо
склонялась ты, и улетала вновь.
И волосы твои струились, ноги
стремительно сияли, и луна
в глазах плясала... Любовались боги
лесные, любовалась тишина...
А жизнь, а жизнь, распутывая тени,
к тебе тянулась, бредила, звала,
но пеньем согласованных движений
ты властно заколдована была...

«Кто меня повезет...»

Кто меня повезет
по ухабам домой,
мимо сизых болот
и струящихся нив?
Кто укажет кнутом,
обернувшись ко мне,
меж берез и рябин
зеленеющий дом?
Кто откроет мне дверь?
Кто заплачет в сенях?
А теперь – вот теперь –
есть ли там кто-нибудь,
кто почуял бы вдруг,
что в далеком краю
я брожу и пою,
под луной, о былом?

8 августа 1920

ПАВЛИНЫ
Павы ходили, перья ронили,
а за павами красная Панна,
Панна Марья перье зберала,
веночек вила.

(Стих пинских калик перехожих)
Видели мы, нищие, как Мария Дева
проходила мимо округлого дворца;
словно отголосок нездешнего напева,
веяло сиянье от тонкого лица.
Облаков полдневных, бесшумно-своенравных
в синеве глубокой дробилось серебро.
Из-под пальмы выплыли три павлина плавных

Горний путь. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

и роняли перья, и каждое перо, –
то в тени блестящее, то – на солнце сонном
легкое зеленое, с бархатным глазком,
темною лазурью волшебнo окаймленным,
падало на мрамор изогнутым цветком.
Видели мы, нищие, как с улыбкой чудной
Дева несравненная перья подняла
и венoк мерцающий, синий, изумрудный,
для Христа ребенка в раздумии сплела.
2 августа 1920

В раю
Здравствуй, смерть! – и спутник крылатый,
объясняя, в рай уведет,
но внезапно зеленый, зубчатый,
нежный лес предо мною мелькнет.
И немой, в лучистой одежде,
я рванусь и в чаще найду
прежний дом мой земной, и, как прежде,
дверь заплачет, когда я войду.
Одуванчик тучки апрельской
в голубом окошке моем,
да диван из березы карельской,
да семья мотыльков под стеклом.
Буду снова земным поэтом:
на столе открыта тетрадь...
Если Богу расскажут об этом,
он не станет меня укорять.
13 августа 1920

«Мерцательные тикают пружинки...»
Мерцательные тикают пружинки,
и осыпаются календари.
Кружатся то стрекозы, то снежинки,
и от зари недолго до зари.
Но в темном переулке жизни милой,
как в городке на берегу морском,
есть некий гул, он дышит смутной силой,
он ширится, он с детства мне знаком.
И ночью перезвоном волн да кликом
струн, дальних струн, неисчислимых струн,
взволнован мрак, и в трепете великом
встаю на зов, доверчив, светел, юн...
Как чувствуешь чужой души участие,
я чувствую, что ночи звезд полны,
а жизнь летит, горит, и гаснет счастье,
и от весны недолго до весны.
14 августа 1920

Лес
Дорога в темноте печалится лесная,
о давних путниках как будто вспоминая,
о бледном беглеце, о девушке хромой...
Улыбка вечера над низкой бахромой
туманно-гладких туч алеет сквозь ольшаник.
Иди себе да пой, упорный Божий странник,
к тебе навстречу ночь медлительно летит.
Все глуше под листвою дорога шелестит,
истлевшую красу вбирая все покорней,
и всюду расползлись уродливые корни,
как мысли черные чудовищной души.
Лес жаден, ночь слепа, ночлег далек, спеша.
Чу... ветер или зверь? не ведаешь... То справа,
в тумане меж стволов, пустынно-величава,
распустится луна, то слева из листвы
тропинка выбежит, и жуткий гук совы
проснется в глубине, как всплеск на дне колодца.
Порою же мелькнут над отблеском болотца
семь-восемь сосенок причудливой чредой;
в луче ты различишь цветов пушок седой
да ягоды глухой дремотной голубицы.

Горний путь. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Пройдешь, заденешь ветвь, и плач незримой птицы
вновь скатится, замрет, и длительный двойник
ответит издали...

Да, сказочен твой лик,
да, чуден ропот твой, о хмурый, о родимый.
Под тучами листвы звучат неутомимо
от вешних сумерек до пасмурной зари
лесные голоса. Поди же разбери,
что клич разбойничий, что посвист соловьиный.
Все отзвуки земли слились в напев единый,
и ветер мечется, и, ужаса полна,
под каждой веткою свивается луна.
Так ночью бредит лес величественно-черный,
и лютый, и родной... О путник, ты упорной
да ровной поступью, да с песнями иди,
пока в нечаянном просвете впереди
не развернется даль полей – еще лиловых
в тот свежий, юный день. О странствиях суровых
тогда забудешь ты. За полем вспыхнет день
на крышах, имена оврагов, деревень
чирикнут в памяти, простые, дорогие...
И это вещий путь. И это ты – Россия.

Возвращение

Я всем вам говорю, о странники! – нежданный
глубокий благовест прольется над туманной
землей, и, полный птиц, волнистый встанет лес,
черемухой пахнет из влажного оврага,
и ветру вешнему неведомый бродяга
ответит радостно «воистину воскрес».
В полях, на площадях, в толпе иноплеменной,
на палубе, где пыль толпы неугомонной
бессонного кропит, – да, где бы ни был он, –
как тот, кто средь пустой беседы вдруг приметит
любимый лик в окне – так встанет он и встретит
свой день, свет ласковый и свежий, свет и звон.
И будет радостно и страшно возвращенье.
Могилы голые найдем мы – разрушенье,
неузнаваемы дороги, – все смела
гроза глумливая, пустынен край, печален...
О чудо. Средь глухих, дымящихся развалин,
раскрывшись, радуга пугливая легла.
И строить мы начнем, и сердце будет строго,
и ясен будет ум... Да, мучились мы много,
нас обнимала ночь, как плачущая мать,
и зори над землей печальные лучились, –
и в дальних городах мы, странники, учились
отчизну чистую любить и понимать.

22 октября 1920

Поэт

Он знал: отрада и тревога
и все, что зримо на земле –
все только бред и прихоть Бога,
туман дыханья на стекле!
Но от забвенья до забвенья
ему был мир безмерно мил,
и зной бессменный вдохновенья
звукователя томил.

На крыльях чудного недуга
летя вдоль будничных дорог,
дружил он с многими, но друга
иметь он, огненный, не мог!
И в час сладчайший, час напрасный,
коснувшись бледных тайн твоих,
в долине лилий сладострастной
он лишь сорвал душистый стих!

Осень

Вот листопад. Бесплотным перезвоном
сад окроплен. Свод легок и высок.

Горний путь. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

Клен отдает со вздохом и поклоном
последний свой узорный образок.
И на листе огнистый ангел вышит,
и радужна меж грядок борозда,
и у крыльца стеклянного чуть дышит
сиротка ель, как черная звезда.

Подражание древним

Дия, мой бледный цветок, поверь ты случайному другу!
Звезд непорочных полна мраморной прósеди глубь.
Муж твой не видит, вставай, уходи ты отсюда, молю я!
Дышит стоокая ткань, сердце амфоры горит,
ластятся к тучному богу блудницы, как легкие волны,
брови блаженно подняв, пьет он, чудовищный Вахх,
пьет он, и липкая влага, рыжую шерсть обагрят,
льется по жирной груди. Тут же, в сияньи цветном,
выпятив смуглый живот, пьяный мальчик, смеясь, орошает
смятый, упавший веночек рдяных уродливых роз.
Песни. Бесстыжие стоны. Золотоногая дева
вьется средь томных гостей, вторя движеньям любви;
вот разбежался один, поймал на лету плясунью,
и покатился тимпан, по полу праздно звеня.
Дия, молю я, уйдем! Твой муж поседелый, беззубый
спит, благодарно прильнув к вялому юноше... Встань,
выйдем мы в сад незаметно, там тихо, пустынно; грозди
лунного света и мглы пышно свисают с ветвей.
Сочная ночь над землей алмазным стоит вертоградом;
жажду полней утолит сладость холодная звезд.
Дия, мои корабли ожидают в недалеком заливе!
В край увезу я тебя стройный, как зодчего сон...
Горы там, горы одни! Вырезные, немые вершины,
гордо прорвав облака, внемлют бесплотным богам...
будем мы там пировать в гостях у луны величавой,
рядом, на черной скале... Дия, мой бледный цветок...
19 января 1923

Берлин

Lawn-tennis[8]

Юноша, белый и легкий, пестрым платком подпоясан;
ворот небрежно раскрыт, правый отвернут рукав.
Встал он, на гладком лугу, за черту, проведенную мелом,
голову поднял с улыбкой, мяч серебристый подкинул, –
выгнувшись, плавно взмахнул многострунной широкой лаптою.
Миг, – и со звуком тугим мяч отлетает и бледной
молнией падает там, где стоит, ожидая, такой же
юноша, белый и легкий; миг, – и со звуком ответным
мяч возвращается вновь через сетку, чуть вздутую ветром.
Мягкие синие тени бегут по траве озаренной.
Поодаль зыблется вяз. На ступени, у двери стеклянной,
лоснится лейка забытая. Дышат, блестят занавески.
В доме прохладно и пусто, а тут, на упругой поляне,
гонится ветер за солнцем, и будет до вечера длиться
легких мячей перезвон, – юности белой игра...
10 декабря 1920

Бабочка

(Vanessa antiopa)

Бархатно-черная, с теплым отливом сливы созревшей,
вот распахнулась она; сквозь этот бархат живой
сладостно светится ряд васильково-лазоревых зерен
вдоль круговой бахромы, желтой, как зыбкая рожь.
Села на ствол, и дышат зубчатые нежные крылья,
то припадая к коре, то обращаясь к лучам...
О, как ликуют они, как мерцают божественно! Скажешь:
голубоокая ночь в раме двух палевых зорь.
Здравствуй, о, здравствуй, греза березовой северной рощи!
Трепет, и смех, и любовь юности вечной моей.
Да, я узнаю тебя в Серафиме при дивном свиданье,
крылья узнаю твои, этот священный узор.
1917–1922

Велосипедист

Горний путь. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

Мне снились полевые дали,
дороги белой полоса,
руль низкий, быстрые педали,
два серебристых колеса.
Восторг мне снился буйно-юный,
и упоенье быстроты,
и меж столбов стальные струны,
и тень стремительной версты.
Поля, поля, и над равниной
ворона тяжело летит.
Под узкой и упругой шиной
песок бежит и шелестит.
Деревня. Длинная канава.
Сирень цветущая вокруг
избушек серых. Слева, справа
мальчишки выбегают вдруг.
Вдогонку шапку тот бросает,
тот кличет тонким голоском,
и звонко собачонка лает,
вертясь пред зыбким колесом.
И вновь поля, и голубеет
над ними чистый небосвод.
Я мчусь, и солнце спину греет,
и вот нежданно поворот.
Колеса косо пробегают,
не попадая в колею.
Деревья шумно обступают.
Я вижу старую скамью.
Но разглядеть не успеваю,
чей вензель вырезан на ней.
Я мимо, мимо пролетаю,
и утихает шум ветвей.

30 сентября 1918

«Вдохновенье – это сладострастье...»

Вдохновенье – это сладострастье
человеческого «я»:
жарко возрастающее счастье, –
миг небытия.

Сладострастье – это вдохновенье
тела, чуткого, как дух:
ты прозрел, ты вспыхнул на мгновенье, –
в трепете потух.

Но когда услада грозовая
пронеслась, и ты затих, –
в тайнике возникла жизнь живая:
сердце или стих...

So logne

«Обезьяну в сарафане...»

Обезьяну в сарафане
как-то ряженный привел;
вперевалку подбежала,
мягко вспрыгнула на стол.

Села (бисерные глазки,
гнузно выпученный рот...) –

с человеческой ужимкой
книгу чудище берет,
книгу песен, книгу неги...

А она-то лапой хватать! –
вмиг обнюхала страницы
и давай их вырывать!

Пальцы рыжие топырит;
молчаливо, с быстротой
деловитою, кромсает
сердце книги золотой...

«Карлик безрукий во фраке...»

Карлик безрукий во фраке,
глупый, неловкий пингвин,
помнишь сиянье во мраке,

синие выступы льдин?
Помнишь зарницы ночные,
кольца и складки огня?
Помнишь туманы седые
длинного, длинного дня?
Грустная птица, смешная,
глядя на нас, на людей,
плачешь ли ты, вспоминая
ласковых черных моржей?
Помнишь ли птицу-подругу,
встречи на высшей скале,
вьюгу, волшебную вьюгу,
снежные вихри во мгле...
Ах, эти встречи! А ныне:
душный, искусственный грот,
имя твое по-латыни,
пятиалтынный за вход...
Сентябрь 1917

Итальянке
К тебе, в минувшее, к иной, чудесной доле,
душа моя плывет в зазубристой гондоле;
осталось горе за кормой.
Я рад, что до конца молчали мы упрямо,
что в пышный, страшный сад не вышли мы из храма
любви глубокой и немой:
на каменных устах прекрасного былого
улыбкою горит несказанное слово,
невоплощенная мечта, –
как световой двойник стоцветной, вечной зыби,
дрожащий, над водой, на внутреннем изгибе
венецианского моста...

На Голгофе
Восходит благовоние сырое
со дна долин, и в небе, над холмом,
на трех крестах во мгле белеют трое...
Там женщина, в унынии немом,
на среднюю, на черную вершину
глядит, глядит... Провидеть ей дано,
что в горький час ее земному сыну
всего живей вспомнилось одно...
Да, – с умиленьем сладостным и острым
(колени сжав, лицо склонив во мглу...),
он вспомнил домик в переулке пестром,
и голубей, и стружки на полу.
«Блаженство мое, облака и блестящие воды...»
Блаженство мое, облака и блестящие воды
и все, что пригоршнями Бог мне дает!
Волнуясь, душа погружается в душу природы,
и розою рдеет, и птицей поет!
Купаюсь я в красках и звуках земли многоликой,
все яркое, стройное жадно любя.
Впитал я сиянье, омылся в лазури великой,
и вот, сладость мира, я славлю тебя!
Я чувствую брызги и музыку влаги студеной,
когда я под звездами в поле стою,
и в капле медвяной, в росинке прозрачно-зеленой
я Бога, и мир, и себя узнаю.
Заря ли, смеясь, восстает из смятенья цветного,
я к голой груди прижимаю ее...
Я – в яблоке пьяная моль, и мне рая иного
не надо, не надо, блаженство мое!
«Я без слез не могу...»
я без слез не могу
тебя видеть, весна.
Вот стою на лугу,
да и плачу навзрыд.
А ты ходишь кругом,
зеленея, шурша...

Ах, откуда она,
эта жгучая грусть!
Я и сам не пойму,
только знаю одно:
если б иволга вдруг
зазвенела в лесу,
если б вдруг мне в глаза
мокрый ландыш блеснул –
в этот миг, на лугу,
я бы умер, весна...

1920

Домой

На мызу, милые! Ямщик
вожжю овода прогонит,
и – с Богом! Жаворонок тонет
в звенящем небе, и велик,
и свеж, и светел мир, омытый
недавним ливнем: благодать,
благоуханье. Что гадать?
Все ясно, ясно; мне открыты
все тайны счастья, вот оно:
сырой дороги блеск лиловый,
по сторонам то куст ольховый,
то ива, бледное пятно
усадыбы дальней, рощи, нивы,
среди колосьев васильки,
зеленый склон, изгиб ленивый
знакомой тинистой реки.
Скорее, милые! Рокочет
мост под копытами. Скорей!
И сердце бьется, сердце хочет
взлететь и перегнать коней.
О, звуки, полные былого!
Мои деревья, ветер мой,
и слезы чудные, и слово
непостижимое: домой!

1917–1922

Березы

Стволы сквозь легкое зеленое сиянье
белеют, тонкие, и воздух освежен
грозой промчавшейся. Чуть слышный перезвон
дробится надо мной, чуть слышное журчанье,
и по невидимым качается волнам.
Трава вся и теневых лиловых паутинах,
вся в ослепительных извилинах, а там,
меж светлых облаков, роскошно лебединых,
струится радуга и смутно с высоты
мне улыбается, в лазури нежной тая,
такая нежная, невинная, святая,
что умиленные склоняются листья,
роняя длинные сверкающие слезы, –
и это жизнь моя, и это край родной,
родная красота... и льется надо мной
сиянье легкое, зеленое, – березы..

Поэты

Что ж! В годы грохота и смрада,
еще иссякнуть не успев,
журчит, о бледная отрада,
наш замирающий напев..
И, слабый, ласковый, ненужный,
он веет тонкою тоской,
как трепет бабочки жемчужной
в окне трескучей мастерской.
Так беспощаден гул окрестный,
людей так грубы города,
нам так невесело и тесно, –
что мы уходим навсегда..
И, горько сжав сухие губы,

глядим мы, падшие цари,
как черные дымятся трубы
среди перьев розовой зари.

15 июля 1919

biology[9]

Муза меня не винит: в науке о трепетах жизни
все – красота. Искромсав осторожно липовый листик,
винт золотой верчу, пока не наметятся ясно
в круглом белом просвете святые зеленые соты;
или же сердцем живым распятой лягушки люблюсь:
сладостно рдеет оно, будто спелая, липкая вишня.
Режу, дроблю, вникаю, вижу сокрытые мышцы,
ветви несметных жил, и, что вижу, мелкими цветными
четко черчу на доске.

Сверкают стекла, невнятно
пахнет эфиром и прелью в комнате длинной и светлой.
Радостен тонкий труд, и радостно думать, что дома
ждет меня томик стихов и музой набитая трубка.

Cambridge

В. Ш.

Если ветер судьбы, ради шутки,
дохнув, забросит меня
в тот город, желанный и жуткий,
где ты вянешь день ото дня,
и если на улице яркой
иль в гостях, у новых друзей,
иль там, у дворца, под аркой,
среди лунных круглых теней,
мы встретимся вновь, – о, Боже,
как мы будем плакать тогда
о том, что мы стали несхожи
за эти глухие года;
о юности, в юность влюбленной,
о великой ее мечте,
о том, что дома на Мильонной
на вид уж совсем не те.

Художник-нищий

Нередко на углу, под серою стеной,
видал я нищего: безногий и больной,
он в красках выражал свой замысел нехитрый.
Газетный лоскуток служил ему палитрой,
его дрожащая багровая рука
писала тщательно цветы и облака
на плитках каменных. Вот кончил. Робким взглядом
прохожего зовет, сутулится, а рядом
мечтает о гроше зияющий картуз.
И вспомнил я свой дар, ненужных светлых муз,
недолговечные созвучья и виденья, –
когда на улице, среди гула и движенья
бесчувственных колес, не встретил я вчера
калеки моего... Да что! Как из ведра
бездонного, лил дождь, и каменные плиты
блестели холодно, и краски были смыты...
Облака

1

На солнце золотом сияет дождь летучий,
озера в небесах синеют горячо,
и туча белая из-за лиловой тучи
встает, как голое плечо.

Молчи, остановись. Роняют слезы рая
соцветья вешние, склоняясь через плетень,
и на твоём лице играет их сырая,
благоухающая тень.

Не двигайся, молчи. Тень эту голубую
я поцелуями любовно обогну.

Цветы колышутся... я счастлив. Я целую
запечатленную весну.

2

Горний путь. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

Закатные люблю я облака:
над ровными далекими лугами
они висят гроздистыми венками,
и даль горит, и молятся луга.
Я внемлю им. Душа моя строга,
овеяна безвестными веками:
с кудрявыми багряными богами
рядом плыл в те вольные века.
Я облаком в вечерний чистый час
вставал, пылал, туманился и гас,
чтоб вспыхнуть вновь с зарею неминучей.
Я облетал все зримое кругом,
блаженствовал и, помню, был влеком
жемчужной тенью, женственной тучей.

1921

Берлин

Пир

Так лучезарна жизнь, и радостей так много.
От неба звездного чуть слышный веет звон:
бесчисленных гостей полны чертоги Бога,
в один из них я приглашен.
Как нищий, я пришел, но дали мне у двери
одежды светлые, и распахнулся мир:
со стен расписанных глядят цветы и звери,
и звучен многолюдный пир.

Сижу я и дивлюсь... По временам бесшумно
дверь открывается в мерцающую тьму.
Порою хмурится сосед мой неразумный,
а я – я радуюсь всему:
и смоквам розовым, и сморщенным орехам,
и чаще бражистой, и дани желтых пчел;
и часто на меня со светлым, тихим смехом
хозяин смотрит через стол.

22 мая 1921

Белый рай

Рай – широкая, пустая
оснеженная страна:
призрак неба голубого,
тишь и белизна...

Там над озером пушистым,
сладким холодом дыша,
светит леса молодого
белая душа...

Там блаженствовать я буду
в блеске сети ледяной,
пробираться, опьяненный
вечной белизной,
и, стрелю из-под веток
вылетая на простор,
на лучистых, легких лыжах
реять с белых гор.

Кони

Гнедые, грузные, по зелени сырой
весенней пажити, под тусклыми дубами,
они чуть двигались и мягкими губами
вбирали сочные былинки, и зарей,
вечернею зарей полнеба розовело.
И показалось мне, что время обмертвело,
что вечно предо мной стояли эти три
чудовищных коня, и медные отливы
на гривах медлили, и были молчаливы
дубы священные под крыльями зари.

1917–1922

Зеркало

Ясное, гладкое зеркало, утром, по улице длинной,
будто святыню везли. Туча белелась на миг
в синем глубоком стекле, и по сини порою мелькала
ласточка черной стрелой... Было так чисто оно,

Горний путь. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
так чисто, что самые звуки, казалось, могли отразиться.

Мимо меня провезли этот осколок живой
вешнего неба, и там, на изгибе улицы дальнем,
солнце нырнуло в него: видел я огненный всплеск.
О, мое сердце прозрачное, так ведь и ты отражало
в дивные давние дни солнце, и тучи, и птиц!
Зеркало ныне висит в сенях гостиницы пестрой;
люди проходят, спешат, смотрятся мельком в него.

10 января 1919

Ночь

Как только лунные протянутся лучи,
всплывает музыка в аллее..

О, серебристая, катись и рокочи
все вдохновенней, все полнее!..

Порхает до зари незримая рука
по клавишам теней и света

и замедляется, ленива и легка..

Последний звук, – и ночь допета..

La Belle Dame Sans Merci [10]

(Из John Keats [11])

«Ах, что мучит тебя, горемыка,
что ты, бледный, скитаешься тут?

Озерная поблекла осока,
и птицы совсем не поют.

Ах, что мучит тебя, горемыка,
какую тоской ты сожжен?

Запаслась уже на зиму белка,
и по житницам хлеб развезен.

На челе твоём млеет лилея,
томима росой огневой,

на щеке твоей вижу я розу,
розу бледную, цвет неживой...»

Шла по полю Прекрасная Дама,
чародейки неведомой дочь:

змеи – локоны, легкая поступь,
а в очах – одинокая ночь.

На коня моего незнакомку
посадил я, и, день заслоня,

она с чародейною песней
ко мне наклонялась с коня.

Я сплел ей запястья и пояс,
и венки из цветов полевых,

и ласкалась она, и стонала
так нежно в объятьях моих.

Находила мне сладкие зелья,
мед пчелиный и мед на цветке,

и, казалось, в любви уверяла
на странном своем языке.

И, вздыхая, меня увлекала
в свой приют между сказочных скал,

и там ее скорбные очи
поцелуями я закрывал.

И мы рядом на мху засыпали,
и мне сон померещился там..

Горе, горе! С тех пор я бессонно
брожу по холодным холмам;

королевичей, витязей бледных
я увидел, и, вечно скорбя,

все кричали: Прекрасная Дама
без любви залучила тебя.

И алканье они предрекали,
и зияли уста их во тьме,

и я, содрогаясь, очнулся
на этом холодном холме.

Потому-то, унылый и бледный,
одиноким скитаюсь я тут,

хоть поблекла сырая осока
и птицы давно не поют.

Пьяный рыцарь
С тонким псом и смуглым кубком
жарко-рдяного вина,
ночью лунной, в замке деда
я загресил у окна.
В длинном платье изумрудном,
вдоль дубравы, на коне
в серых яблоках, ты плавно
проскакала при луне.
Встал я, гончую окликнул,
вывел лучшего коня,
рыскал, рыскал по дубраве,
спотыкаясь и звеня;
и всего-то только видел,
что под тrefовой листвою
жемчуговые подковы,
оброненные луной.

1917-1922

«Я думаю о ней, о девочке, о дальней...»
Я думаю о ней, о девочке, о дальней,
и вижу белую кувшинку на реке,
и реющих стрижей, и в сломанной купальне
стрекозку на доске.

Там, там встречались мы и весело оттуда
пускались странствовать по шепчущим лесам,
где луч в зеленой мгле являл за чудом чудо,
блистая по листам.

Мы шарили во всех сокровищницах Божьих,
мы в ивовом кусте отыскивали с ней
то лаковых жучков, то гусениц, похожих
на шахматных коней.

И ведали мы все тропинки дорогие,
и всем березонькам давали имена,
и младшую из них мы назвали: Мария
святая Белизна.

О Боже! Я готов за вечными стенами
неисчислимыя страданья воспринять,
но дай нам, дай нам вновь под теми деревцами
хоть миг, да постоять.

1917-1922

Перо

Зелененьким юрким внучатам
наказывал леший в бору:
«По черным ветвям, по зубчатым,
жар-птица порхнет ввечеру;
поймайте ее, лешенечки,
и клетку из лунных лучей
возьмите у ключницы-ночки,
да так, чтоб не видел Кошей.
Далече от чащи брусничной
умчите добычу свою,
найдете вы домик кирпичный
в заморском, туманном краю.
Оставьте ее на пороге:
там кроткий изгнанник живет,
любил он лесные дороги
и вольный зеленый народ».
Там дедушка-леший на ели
шушукал, и вот ввечеру,
как струны, стволы зазвенели,
и что-то мелькнуло в бору.
Маячило, билось, блестело.
Заохал, нахохлился дед...
Родимые, знать, улетела
жар-птица из пестрых тенет.
Но утром, как пламя живое,
на пыльном пороге моем
лежало перо огневое

Горний путь. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

с цветным удлинённым глазком.

Ну что ж, и за этот подарок

спасибо, лесные друзья.

Я беден, и день мой неярок,

и как же обрадован я.

7 июня 1921

Кембридж

«Мы столпились в туманной церковенке...»

Мы столпились в туманной церковенке,

вспоминали, молились и плакали,

как нечаянно двери бесшумные

распахнулись, и тенью лазоревой

ты вошла, о весна милосердная!

Разогнулись колена покорные,

прояснились глаза углубленные...

Что за чудо случилось отрадное!

Заливаются птицы на клиросе,

плещут воды живые под сводами,

вдоль по ризам колеблются радуги,

и не свечи мы держим, а ландыши,

влажной зеленью веет – не ладаном,

и, расставя ладони лучистые,

окруженная сумраком радостным,

на иконе Весна улыбается.

«Людам ты скажешь: настало...»

Моей матери

Людам ты скажешь: настало!

Завтра я в путь соберусь...

(Голуби. Двор постоялый.

Ржавая вывеска: Русь.)

скажешь ты Богу: я дома!

(Кладбище. Мост. Поворот.)

Будет старик незнакомый –

вместо дубка, у ворот...

3 мая 1920

Русь

Пока в тумане странных дней

еще грядущего не видно,

пока здесь говорят о ней

красноречиво и обидно –

сторонкой, молча проберусь

и, уповая неизменно,

мою неведомую Русь

пойду отыскивать смиренно, –

по черным сказочным лесам,

вдоль рек да по болотам сонным,

по темным пашням, к небесам

бесплодной грудью обращенным.

Так побываю я везде,

в деревню каждую войду я...

Где ж цель заветная, о, где –

непостижимую – найду я?

В лесу ли – сумраком глухим

сырого ельника сокрытой –

нагой, разбойником лихим

поруганною и убитой?

Иль поутру, в селе пустом,

о, жданная! – пройдешь ты мимо,

с улыбкой на лице простом

задумчиво-неуловимой?

Или старушкой станешь ты

и в голубой струе кадильной,

кладя дрожащие кресты,

к иконе припадешь бессильно?

Где ж просияет берег мой?

В чем угадаю лик любимый?

Русь! иль во мне, и душе самой

Горний путь. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
уж расцветает ты незримо?

Жизнь

Шла мимо Жизнь, но ни лохмотий,
ни ран ее, ни пыльных ног
не видел я... Как бы в дремоте,
как бы сквозь душу звездной ночи, –
одно я только видеть мог:
ее ликующие очи
и губы, шепчущие: Бог!

Примечания

1

Вл. Сирин. Горний путь. Берлин: «Грани», 1923.

2

Радость жить (фр.).

3

Смерть Артура (фр.).

4

Упадок (фр.).

5

Счастье (англ.).

6

Блудница (лат.).

7

Футбол (англ.).

8

Теннис (англ.).

9

Биология (англ.).

10

Безжалостная Прекрасная Дама (фр.).

11 Джон Китс (1796–1821) – английский поэт

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!